

12+

Александр Москалев

Тихие омуты

Сборник рассказов

Александр Москалев

Тихие омуты

«ЛитРес: Самиздат»

2017

Москалев А. Е.

Тихие омуты / А. Е. Москалев — «ЛитРес: Самиздат», 2017

Сборник рассказов, объединенных общей темой – столкновения человека с миром непознанного. В тихом омуте, как известно, водятся черти – и ареной борьбы героев с силами зла становятся и подмосковный коттедж, и религиозная община на северном острове, и офис крупного чиновника, и затерянная в сибирской тайге деревушка.

Александр Москалев

Тихие омуты

Посвящается моим любимым бабушкам и дедушкам.

Предисловие

... И пускай после мая знойные дни и жгучие вихри, и пускай по болотам в полночь, заманивая путников в гибель, сверкают огни-одноглазы, и полднем Полудницы летят в пыли вихрей, и пускай, чья мертвых, вопит Карна, и темная Желя несет погробальный пепел в своем пылающем роге...

Алексей Ремизов «К морю-океану»

В этом году на загляденье выдался октябрь, ласковое солнечное тепло напоминает об ушедшем лете, и зима, попугав ранними сентябрьскими холодам, на время отступила, затаилась на берегах студеного северного моря, веет вьюгой над безжизненными вершинами полярных гор.

В подмосковном лесу еще зеленеет трава, ярко-желтые листья не успели потемнеть, но солнечный свет уже свободно проникает под некогда тенистый лесной полог, сосны и березы стоят в его лучах подобно стройным колоннам, а по утрам иней искрится на сухих стеблях полыни и чертополоха.

Я брожу по лесу, наслаждаясь последними теплыми днями, спускаюсь в овраги, дно которых устлано опавшей листвой, поднимаюсь по заросшим молодыми деревьями косограм, вдыхаю напоенный осенней свежестью воздух. Сегодня семнадцатое октября – день святого Ерофея, – по народным поверьям в этот день лешие прощаются с лесом и до весны проваливаются под землю. Только когда сойдет снег, и на полянах распустятся первые подснежники, хозяин леса вновь вернется в свои уголья.

Русские крестьяне без особой надобности на Ерофея в лес не ходили. Считалось, что в этот день нечистая сила шалит особенно опасно – лешие бегают по лесам, ломают деревья, страшно свистят, хохочут и хлопают в ладоши. Неосторожного человека леший, в лучшем случае, заставит долго блуждать в прозрачном и светлом лесу, а в худшем, – сведет с ума, заманит в болото или убьет упавшим деревом. Долгие века лес был для крестьянина чуждой опасной стихией, со всех сторон окружавшей обжитые пространства деревень.

Только в нашей стране, протянувшейся от древней Беловежской Пущи до бескрайней, беспредельной сибирской тайги, обрывающейся у далекого океана, только в этой великой стране стало возможным столь тесное переплетение природы и человека, стихийного и социального. Наши избы и храмы поднимались среди лесов как их органичное продолжение, как плоть от плоти этой необозримой лесной стихии. Торжественное величие, пронзительная красота русской природы стали основой, на которой вырос великий народ. Наша культура впитала в себя и звонкую прозрачность высоких сосняков, и темную хмарь заболоченных ельников, и первозданную мощь реликтовых дубрав. Мы народ леса, так же как швейцарцы – народ гор, монголы – народ степи, а греки – народ моря. Двойственное отношение к лесу – страх и восхищение одновременно – это культурный код нации, в котором нужно искать причины сложного одухотворения лесного пространства нашими предками. Помимо хозяина леса – лешего, они верили в чащобника – обитателя непролазной чащи, хворостяника, жившего в высохшем, погибшем лесу, боли-бошку, проказничавшего в ягодных борах, лесавок, гонявших опавшую листву по осеннему лесу.

Великие леса, великая страна, великий народ... Трудно, почти невозможно представить свою жизнь без тревожного шума лесных крон в ненастный летний день, без пронизанных ярким солнечным светом грибных опушек, без безмолвия занесенных февральскими сугробами непролазных дебрей.

Но сегодня в лесу леших нет. Никто не раскачивает деревья, не гоняет по ветвям белок, не заводит людей в трясины. Только изредка кричит в зарослях какая-то птица, да с тихим шорохом падают на землю сухие листья. А еще беспрерывно доносится далекий назойливый гул – это автомобили пролетают по автостраде. Подмосковный лес не пугает человека тайнами своих чащоб, он пуст как квартира в подготовленном к сносу доме. Вокруг слишком много людей, машин, домов и дорог.

За последние сто лет самосознание русского человека изменилось радикально. Население перебралось в города. Вместо природного ландшафта, который хранил тайну хотя бы потому, что был создан не человеком, нас окружает ландшафт антропогенный. В нем нет места тайне. Любой предмет, на котором останавливается взгляд по пути из дома на работу и обратно, создан, произведен или выращен другими людьми в соответствии с определенными нормативами и стандартами. А значит, к нему всегда можно найти инструкцию, изучить его состав и принцип действия, сравнить с подобными ему, выпущенными на том же конвейере.

Еще сто лет назад русский крестьянин представлял окружавшую его природную среду населенной фантастическими существами: лешими, водяными, кикиморами, русалками, упырями. Большинству они представлялись столь же реальными как звери в лесу или рыбы в озере, но существовавшими в ином слое реальности. Защитой от нечистой силы могла служить только сила чистая, светлая – сила, которой человека наделяла православная вера. Но вековой трагедией человечества в целом и нашего народа в особенности, стало то, что святое и грешное переплелись на этой земле настолько тесно, что порой различить их можно только по отдаленным во времени результатам людских поступков.

У жителей мегаполиса сохранилась подсознательная потребность веры в неведомое, нам нравится пугаться и щекотать себе нервы, понимая при этом, что бояться особенно и нечего. А потому традиционных духов природы, которым нет места в городской среде, заменили литературные, а позже телевизионные образы, – призраки, инопланетяне, зомби, вампиры, полтергейст.

Кроме того, изменилась пространственная локализация таинственных сил – если крестьяне говорили, что леший шалит «в лесочке за таким-то болотом», а водяного видели «у заводи на том-то озере», то сегодня местом действия мистических историй становятся некие отдаленные населенные пункты, другие страны и города, отраженные в рассказах, передаваемых через третьи руки. Привычное окружение человека стало простым и понятным, в нем по определению не может быть ничего сверхъестественного.

Мы совершенно иначе воспринимаем ночь – традиционное время действия нечистой силы. Нам трудно представить себе, что чувствует человек, ненастной осенней ночью блуждающий в кромешной тьме по глухому лесу и вдруг замечающий среди деревьев отсвет огонька, горящего в окне крайней избы маленькой деревни. Ночь для нас – это море огней, свет фонарей, автомобильных фар, окон многоэтажных домов. В этой вакханалии света не видно даже звезд на небе. И поэтому ночь – уже не время соприкосновения с таинственным, когда ненадолго приоткрывается дверь между нашим и потусторонним мирами. Ночь – это время отдыха, развлечений и преступлений. Сообщения новостных агентств все чаще заставляют нас убеждаться в том, что под покровом ночи в самых благопристойных и фешенебельных городских кварталах сбросившие свои дневные личины люди совершают преступления столь изуверские, отталкивающие и противоестественные, что по сравнению с ними любые проказы нечистой силы на кладбищах и болотах кажутся детскими шалостями.

И все же иногда, пусть изредка, в наших сердцах просыпается передавшийся от предков страх непознанного – страх столкновения с миром дикой природы, который продолжает жить за границами крупных городов, на окраинах вымирающих поселков и деревень. Ведь если существует этот мир, мир, в котором одинокому человеку в борьбе с могучей и равнодушной стихией можно рассчитывать только на собственные силы, значит, где-то затаились и его исконные обитатели – враждебные человеку бесплотные существа, духи природы.

Может быть поэтому порой хруст ветки под чьей-то ногой в вечернем лесу или крик неизвестной птицы на болотах заставляет замирать сердце и волосы шевелиться на голове. Ведь эти звуки пробуждают генетически заложенный в нас страх – страх перед темными неизведанными силами.

Тихий омут

Спи мирно, держава. Дорогами слез гуляет Варавва и ходит Христос.

* * *

Неужто мы жили, молясь на Варавву?..

Прости нас, Боже правый!

Андрей Вознесенский

«Витебская баллада»

Глава I

Машина остановилась на поросшей высокой травой обочине, отделенной от леса противопожарной канавой, и Артем, заглушив двигатель, разложил перед собой карту области. Большой навигатор по-прежнему висел на ветровом стекле, ловя солнечные блики темным матовым экраном, однако дорогое устройство, сделанное в Малайзии по японской лицензии, не выдержало испытания российским бездорожьем и несколько часов назад приказало долго жить. С электроникой вообще происходило что-то неладное – утром все мобильные телефоны разом потеряли сеть.

С пассажирского сиденья в карту заглядывала Маша, а по раздававшемуся над ухом сопению Артем понял, что и сидевший сзади Олег вглядывался в обозначавшие дороги коричневые ниточки, петлявшие среди моря зелени. Мимо на полном ходу промчался тяжелый лесовоз, и воздушная волна покачнула запыленный серебристый минивэн.

Артем медленно вел пальцем по карте, пытаясь определить, где именно они находятся и как долго им еще предстоит плутать по дорогам этого заповедного уголка Русского Севера.

– Далеко еще? – спросил Олег.

– Если поторопимся ..., и если опять не будет врать карта..., то часа через два должны быть на месте, – медленно произнес Артем. – Здесь все время прямо, проезжаем какой-то совхоз, наверняка брошенный... потом поворот налево на деревню Виндягово... тут тоже прямо... и затем выезжаем на берег Ярозера, на монастырскую дорогу!

Олег откинулся на сиденье и потянулся, Артем сложил карту и передал ее Маше. После того, как лесовоз скрылся за крутым поворотом, отмеченным несколькими стоящими вдоль обочины бетонными столбиками со следами черной и белой краски, дорога оставалась пустой. Вырулив на асфальт, Артем попытался настроить приемник в магнитоле, но в той лесной глуши, где они находились, лишь изредка удавалось услышать что-то кроме хрипа эфирных помех. Недовольно хмыкнув, Артем запустил CD-диск, и в салоне заиграла спокойная музыка.

Начинался август, последний летний месяц, который здесь, на севере, редко бывал солнечным и теплым. Но пока с погодой им везло: за время путешествия лишь однажды ночью, после прошедшей вечером короткой и сильной грозы, спать на свежем воздухе оказалось достаточно зябко, и пришлось останавливаться на ночлег в ближайшем городке.

Городок этот со сложно произносимым названием Златоустыинск почти полностью состоял из частных одноэтажных домов, и только в центре, на площади Ленина стояли каменные торговые ряды, построенные еще при царице Екатерине для местных кузнецов и кожевников, а сейчас занятые в основном импортной одеждой и мелкой бытовой техникой. Напротив возвышалось угрюмое бетонное здание администрации, с грязными флагами района и области, лениво повисшими на коротких флагштоках. Еще на площади находилась желтая церковь с высокой колокольней и прямо перед ней окруженный кованой оградой мемориальный сквер из двух десятков молоденьких пыльных деревьев, среди которых лежал огромный камень, привезенный в самом начале девяностых годов с окраины городка, где раньше проходил северный этап. На камне была закреплена медная мемориальная доска, посвященная памяти тех, кого через эти места гнали в лагеря.

Переночевав в гостинице Златоустыинска, где кроме них остановились только семейная пара туристов из Питера и невероятно шумный отряд школьников из областного центра, выбравшихся вместе с учителем географии в краеведческий поход, Артем, его невеста Маша и друг Олег отправились к очередной цели своего путешествия – Святотроицкому мужскому монастырю. Артем был аспирантом одного из московских вузов и писал диссертацию о церковном зодчестве Русского Севера. Откуда у коренного москвича взялась странная тяга к этому невероятно красивому, но суровому и дикому краю, Артем объяснить не мог. О северных храмах и монастырях он уже узнал практически все, что можно было найти в книгах, и вот этим летом настало время вживую познакомиться с предметом его исследований. Вместо традиционной поездки к теплым морям Артем запланировал двухнедельное автомобильное путешествие по лесным просторам России.

Маша, девушка Артема, была студенткой того же вуза. Молодые люди познакомились почти три года назад, последний год жили вместе и вскоре собирались пожениться. Маша не разделяла увлечения Артема архитектурой и с гораздо большим удовольствием провела бы каникулы на пляже, однако поездка с любимым в глухие лесные дебри в глазах девушки также была не лишена определенной романтики, к тому же отпустить Артема одного она бы не согласилась. Поскольку путешествовать по России, тем более вдали от проторенных туристических маршрутов, молодые люди собирались впервые, с ними вместе отправился старый приятель Артема, Олег, с которым они были дружны еще со школы.

Олег был натурой деятельной, живой и крайне свободолюбивой. Он обладал огромным ростом и крепким телосложением, в свои двадцать четыре года имел звание мастера спорта по гребле, а кроме того слыл большим любителем женского пола и менял девушек как перчатки. Олег увлекался рафтингом и альпинизмом, и в отличие от Артема и Маши, был далеко не новичком в путешествиях по диким уголкам нашей страны. Ради этой поездки он отменил очередную сплав по горным алтайским рекам, взял на себя организацию сборов, с ходу забрав половину снаряжения, заботливо приготовленного Артемом, и захватил собственную испытанную во многих походах палатку. Впрочем, с самого начала путешествия, палатка оказалась в распоряжении Артема и Маши, сам Олег обычно спал в машине.

Поездка проходила весело, тем более, что для Артема и Маши были в новинку и походные обеды тушенкой с лапшой, и ночные посиделки у костра, и романтическая любовь под звездным небом. Машину молодые люди вели по очереди, часто сворачивали с дороги, если в деревне или городе неподалеку находились, в соответствии с пометками на огромной карте, сделанными Артемом, старинные церкви или часовни. Чем дальше от Москвы они отъезжали, тем меньше становилось каменных храмов, уступавших место потемневшим от времени и непогоды деревянным шатровым церквям и неказистым маленьким часовням.

Русские люди, особенно здесь, на севере, любили и умели строить из дерева. Благо, строительного материала в глухих лесах было вдоволь. Деревенские избы, бани, сараи, овины, мельницы и, конечно же, церкви рубились из огромных, в несколько обхватов бревен, укладывав-

шихся в венцы различной формы: от простого четырехугольника приземистой бани до шести- и восьмигранных срубов церквей и колоколен, устремленных в небо. Строили на века, некоторые избы за прошедшие столетия по окна вросли в землю, но срубленные прапрадедами стены по-прежнему надежно держали тепло долгими северными зимами.

Артема не зря влекло церковное зодчество этого края. На севере в давние времена было много храмов и часовен. В каждой деревне жители старались срубить одну, а если деревня была большая, то и две-три церкви. Но дело это долгое и хлопотное, тем более что деревянные храмы часто горели, и приходилось возводить их заново. Поэтому огромного размаха достигло здесь строительство часовен. Эти небольшие строения, отличающиеся от церквей отсутствием алтаря, стояли повсюду: на кладбищах и на перекрестках дорог, над целебными родниками и на местах когда-то жилых, а теперь покинутых и исчезнувших поселений. Часовни строили и около домов, как правило, по обету, то есть обещая построить ее в случае удачного окончания какого-либо важного дела или, например, выздоровления больного члена семьи. Еще больше было поставлено обетных крестов. Раньше эти простые деревянные кресты, иногда с укрепленной на них маленькой иконкой, стояли на каждом перекрестке, в начале и в конце деревни, на лесных полянах и в отдаленных рощах.

Крестьяне не зря старались возвести в округе как можно больше православных церквей, часовен и крестов. Издавна, с тех самых пор, как русские люди начали заселять эти дикие края, чувствовали они неизъяснимую враждебность со стороны темных сил, что тысячелетиями укрывались в лесных чащах и в бездонных глубинах здешних озер. Племена, жившие на этой земле до прихода славян и известные под собирательными именами «чудь» и «меря», были язычниками, и долго еще после формального принятия христианства в самых глухих лесных урочищах укрывались их капища, на которых порой приносились кровавые жертвы. По сей день сохранились на севере сказания о могущественных волхвах, знавших с нечистой силой, и нигде по России вера в леших, водяных и домовых не сильна так, как здесь.

За прошедшие века великие православные подвижники, строившие на Русском Севере церкви и монастыри, смогли отмолить эту землю и почти очистили ее от древних и таинственных темных сил. В северные обители стекались на паломничество богомольцы со всей России, прославились праведностью своих монахов Соловецкий, Валаамский, Белозерский и многие другие монастыри. Но вслед за революцией пришла советская власть: монастыри закрывались; те, что таились в лесах подальше от мирских соблазнов, были заброшены и забыты, а храмы превратились в зернохранилища и сельские клубы. Разрушались старые деревянные церкви, зарастали часовни, падали покосившиеся кресты, и вместе с тем снова поднимала голову древняя темная сила, радовалась людскому безумию и собирала под свое крыло новых сторонников.

Олег клевал носом на заднем сиденье: прошедшей ночью он плохо спал, что для его здорового молодого организма было редкостью. Что-то мешало Олегу дремать и сейчас – сквозь сон он почувствовал, что тряска в машине заметно усилилась. Олег лениво открыл один глаз, затем другой и понял, что они съехали с разбитой асфальтовой дороги на еще более разбитую грунтовку. За рулем сидела Маша, Артем опять развернул свою карту и, не смотря на тряску, пытался что-то на ней найти.

– Притормози у той сосны, – указывая вперед через стекло, попросил он. Маша свернула с дороги и остановила машину. Разминая затекшие ноги, друзья выбрались на обочину. Дул легкий свежий ветер, тихо шелестели верхушки подступающих к грунтовке молодых берез. С другой стороны дороги тянулся узкий луг, видимо когда-то бывший полем, но сейчас заброшенный и тоже постепенно зараставший лесом – типичный пейзаж Русского Севера.

– Зачем мы остановились? – поинтересовался Олег.

– Где-то здесь должна находиться часовня, – задумчиво сказал Артем, взглядываясь в лес. – В путеводителе было написано, что ее видно с дороги. Она находится в двадцати километрах от деревни Виндягово, через пятьсот метров после балки. Правда путеводитель состав-

лялся лет сорок назад, за это время часовня могла и сгореть, и развалиться, и просто зарости лесом. Да и дорогу могли проложить в другом месте. Я поищу в лесу, если получится, то сфотографирую и вернусь. Подождите у машины, я быстро.

– Только не уходи далеко, здесь легко заблудиться, – Маша строго посмотрела на своего жениха.

Артем взял с заднего сиденья фотоаппарат и направился в лес. Олег и Маша остались прогуливаться вдоль дороги, наблюдая за мелькавшей среди деревьев фигурой Артема и слушая щебетание птиц в теплом летнем воздухе.

Артема с первых шагов атаковали полчища противной мелкой мошкары, норовящей залезть в глаза и нос. Он поглубже надвинул бейсболку, вспоминая о том, как недавно намучилась Маша, выискивая крошечных насекомых в его густых темных волосах.

Молодой лес, через который пробирался Артем состоял из березы и ольхи. Изредка попадались тонкие елочки. Молодые деревья росли в тесном беспорядке, как обычно бывает на месте старых порубок или пожарищ. Часовня, которую он искал, не была местной достопримечательностью. По крайней мере, в литературе, которую Артем изучал в Москве, о ней не сохранилось каких-либо интересных преданий, часто сопровождающих другие дожившие до наших дней старинные постройки. Не было известно ни кто ее строитель, ни зачем она была сооружена недалеко от второстепенной сельской дороги, в двух десятках километров от ближайшей деревни. Составителем путеводителя, маститым советским ученым-искусствоведом Острожским, исходившим все тропинки этого края, она была отнесена к разряду часовен, построенных в честь какого-то примечательного события, случившегося в этом месте, но никакой другой информацией, кроме ее названия – Ильинская, видимо в честь святого Ильи Пророка, – даже этот дотошный исследователь не располагал.

Артем не прошел и ста метров, как увидел предмет своих поисков. Он не ожидал, что часовня окажется такой крошечной: маленький сруб в десяток тонких венцов два на два метра венчала дощатая крыша с главкой-луковичкой и покосившимся крестом. Крыша была покрыта толстым слоем серо-желтого мха, низкая и узкая деревянная дверь, едва достававшая Артему до груди, заперта на щеколду, чтобы лесные обитатели не вздумали устраивать там свое жилье. Только обойдя часовню со всех сторон, Артем заметил узкое волоковое оконце, напоминавшее щель. Часовню окружал деревянный забор из нескольких столбов, соединенных слагами. С двух сторон заборчик упал и давно зарос травой, но с двух других еще держался. В узком пространстве этой ограды разрастались молодые березы, грозящие со временем разрушить и без того ветхое строение.

Артем несколько раз с разных ракурсов сфотографировал часовню, хотя она и не представляла особого интереса для его исследования. Таких часовен было много в тех деревнях, через которые они проезжали в последние дни. Артем попытался открыть щеколду, но она поддавалась с трудом: видимо в часовню уже очень давно не заходили люди. Только дернув, что есть силы, он смог открыть неподатливый запор, и разохшаяся дверь отворилась, скрипнув ржавыми петлями. Согнувшись в три погибели, Артем вошел в часовню, подумав о том, что низкая дверь поневоле заставляла входящего преклониться перед иконами, которые должны были находиться в переднем углу. Распрямившись внутри и едва не задев головой крышу, Артем перекрестился и огляделся вокруг.

Никаких икон в тесном и темном помещении давно не было. На передней стене часовни, напротив входа, была устроена деревянная полка, на которую в прежние времена, как знал Артем, клали нарядное полотенце и выставляли имеющиеся иконы или вырезанный из дерева крест. Но сейчас полка пустовала, если не считать слоя пыли и нескольких сосновых иголок. В левом углу у стены стояли две дощечки, еще одна лежала на полу. В остальном часовня была совершенно пуста.

Не найдя внутри ничего интересного, Артем развернулся и уже собирался выйти, как вдруг боковым зрением уловил едва заметное свечение в том месте, где должны были располагаться иконы. За минуту перед тем ничего подобного не было. Сначала Артем решил, что это солнечные блики, проникающие через узкое оконце в стене, однако свечение было необычным, теплый желтоватый свет сменялся мерцающей синевой. Больше всего оно напоминало огонек едва теплящейся свечи или лампы. Придвинувшись ближе, Артем понял, что свечение проникает через щели из-за доски, прибитой в качестве полки для икон. Он опустился на одно колено и попытался осторожно ее оторвать. Его сердце учащенно билось, глаза в полутьме часовни были широко раскрыты. Старая доска, державшаяся на двух ржавых гвоздях, легко поддалась, Артем снял ее со стены и положил перед собой. В этот момент таинственное свечение исчезло, как будто его и не было. В стене за доской оказалось вырезанное в бревне углубление, в котором лежала маленькая деревянная икона. По-видимому, именно она и была источником света. Дрожащими руками Артем достал образ из стены. Кроме него в этом тайнике ничего не было, и природа таинственного света оставалась загадкой.

Держа икону на ладони, Артем некоторое время стоял на одном колене в полутьме часовни и ждал, что будет дальше. Ничего не происходило, свечение больше не появлялось. Артем встал, медленно развернулся и вышел, прикрыв за собой дверь и накиннув щеколду. Только при свете дня он смог внимательно разглядеть иконку: это была небольшая дощечка с потемневшим от времени образом. Как начинающий искусствовед, Артем немного разобрался в иконописи и определил ее стиль как местный, северорусский, а написана икона была, по-видимому, не менее трех веков назад, возможно в Новгороде. Изображение представляло молодого юношу, скорее подростка, с кудрявой головой в темно-красной одежде, наподобие туники, перепоясанного широким поясом. В правой руке он держал тонкий золотой крест, вокруг головы сиял нимб. По краям изображения виднелись какие-то слова, возможно, имя этого святого, но икона была очень старой и темной, поэтому разобрать надпись на церковнославянском языке не представлялось возможным.

С иконой в руке Артем побрел к дороге. Маша ходила вдоль опушки, ожидая его, а Олег растянулся на траве и, отгоняя сломанной веткой мошкарку, следил за тем, как медленно плывут над головой пушистые белые облака. Видимо, у Артема был настолько изумленный вид, что Маша сразу это заметила.

– Ты в порядке? – она заглянула Артему в глаза.

– Вроде бы да, – не сразу ответил он. – Возможно, я схожу с ума, но со мной сейчас произошел очень странный случай.

Они уселись в машину и Артем медленно, стараясь припомнить каждую подробность, рассказал о происшествии в заброшенной часовне. После того как Маша и Олег внимательно осмотрели икону, Артем попросил их поделиться своими мыслями.

Олег молчал, было видно, что он скептически отнесся к рассказанной другом истории, но и выражать свое недоверие открыто не хотел, тем более, что внешний вид Артема лучше всяких слов свидетельствовал о крайней степени изумления. Олег вообще редко задумывался над вопросами веры и различных чудес, жизнь и без того казалась ему слишком полной и интересной, к тому же он давно привык во всем полагаться только на самого себя. В глубине души Олег считал, что Артем просто забрал из часовни лежавшую там икону, а историю с таинственным свечением либо выдумал, чтобы попугать Машу, либо ему действительно что-то померещилось в темноте, и он сам убедил себя в чудесной природе этого явления.

Маша тоже молчала. Она была воспитана верующими родителями, но никогда не думала, что чудо может случиться с ней самой или с кем-то из ее близких.

– Я не нахожу никакого реального объяснения этой истории, – говорил Артем. – Конечно, доска, за которой была спрятана икона, могла подгнить и начать светиться. Но я знаю, как светятся гнилушки, это совсем другое, не такое яркое свечение... И как объяснить, что оно

исчезло, как только я снял доску со стены? – Артем перевел дух. – Вообще я читал о подобных случаях, они нередки в летописях, особенно здесь, на севере. Это называется обретением иконы. Порой такие иконы находили висящими на деревьях, или лежащими в дуплах, иногда они открывались и в церквях. Кем, где и когда они были написаны и как оказались там, где были найдены, неизвестно. Как правило, потом эти иконы объявлялись чудотворными. Когда вернемся в Москву, я покажу ее профессору, думаю, что он сможет точно определить и иконописную школу и век написания.

– А ты не считаешь, что ее надо было оставить на месте? – спросила Маша, видимо, действительно немного напуганная этим таинственным происшествием.

– Если она показалась мне, позволила легко себя взять, значит, так и должно было случиться. В этой часовне уже давно не было людей, возможно, скоро она совсем развалится или зарастет непроходимым лесом. Но кто и зачем сделал тайник в стене и спрятал в него икону, я бы очень хотел узнать.

– В любом случае, вести машину ты сейчас явно не в состоянии, – сказал Олег снова выходя на дорогу. – Пересаживайся назад, я так понимаю, ехать нам осталось недолго.

Артем уступил водительское кресло, Маша пересела вместе с ним на заднее сиденье и машина поползла по разбитым колеям грунтовки. Скоро они преодолели крутой подъем и въехали на вершину холма. С него открывался широкий вид во все стороны. Повсюду, насколько хватало глаз, темнели густые леса. Лишь изредка кое-где можно было заметить зеленовато-желтые пятна полей и серые деревенские дома. У самого подножья холма расстилалось большое озеро, в его синеве отражались облака. На водной глади были раскиданы острова, от совсем крохотных, возвышавшихся из воды одинокими скалами, до расположенного почти в центре озера большого поросшего лесом острова. На нем, как казалось, можно было даже различить какие-то постройки. Почти под ногами путешественников вдоль берега вилась белая, усыпанная щебнем и хорошо накатанная дорога. Она вела к монастырю, стоящему на далеко вдающемся в западную оконечность озера мысе.

Свято-Троицкий мужской монастырь – незаслуженно забытая жемчужина Русского Севера, был одной из главных целей путешествия Артема. Старинная легенда, предававшаяся на берегах Ярозера из уст в уста, приписывала его строительство самому святому митрополиту Макарию, современнику Ивана Грозного, который некоторое время был епископом в этой местности. В монастыре и по сей день хранилась икона святого Макария, написанная суровым средневековым новгородским письмом. Известность монастырь приобрел во времена первых Романовых. Уже тогда это была мощная крепость, окруженная высокой стеной с угловыми башнями, двумя каменными церквями, большим келейным корпусом и прочими необходимыми строениями. Здесь подвизались многие святые старцы, монастырь слыл крепким оплотом православия в борьбе со старообрядчеством.

Свято-Троицкая обитель распространяла свет веры и на все окрестное население, паломники разносили по Руси слухи о благочестии жителей соседних деревень. Монастырь процветал и богател. Однажды сам государь-император Александр I вознамерился посетить берега Ярозера, однако не смог сюда добраться из-за неожиданно рано начавшейся весенней распутицы. На том месте, где император повернул обратно, до сих пор можно видеть каменный крест с памятной надписью. Почти сразу после революции монастырь был закрыт. Планировалось превратить его в санаторий, однако из-за удаленности от крупных городов и вечного бездорожья от этого плана вскоре отказались. Официально монастырь был передан соседнему колхозу под хозяйственные нужды, но местные крестьяне не зря были известны своим благочестием: потихоньку в древних стенах вновь стали появляться монахи, даже один из председателей колхоза на старости лет принял монашеский постриг и занял место игумена этого тайного монастыря. Так что к моменту падения советской власти и возвращения Свято-Троицкой обители

православной церкви, здесь уже была своя братия, постоянно пополнявшаяся новыми монахами.

Игумен, возглавивший монастырь лет десять назад, отец Анисим, оказался человеком деятельным и изобретательным. В его грандиозные планы входило превращение Свято-Троицкого монастыря в яркую достопримечательность Русского Севера, сопоставимую с Валаамом и Соловками, притягательную не только для паломников, но и для туристов. В первую очередь отец Анисим добился того, чтобы вдоль берега Ярозера проложили новую дорогу, позволявшую добираться до монастыря в любую погоду. Затем были отреставрированы изрядно обветшавшие за годы запустения монастырские постройки, подновлены церковные фрески. Активно поддерживалась и распространялась легенда о том, что основателем обители был сам святой митрополит Макарий. В летописи действительно упоминался случай его приезда на Ярозеро, и этот год считался датой основания монастыря. К приближающемуся пятисотлетию обители игумен Анисим, ожидая наплыва туристов и паломников, выпустил дорогую иллюстрированную книгу, включавшую как подробную историю монастыря, так и лучшие фотографии, на которых была запечатлена эта святыня.

Артем не зря стремился в Свято-Троицкий монастырь. Две его старинные церкви, летняя и зимняя, действительно представляли большой искусствоведческий интерес. Эти каменные храмы были построены не в традиционном, тяжелом и приземистом, северном стиле, а скорее напоминали шатровые деревянные церквушки, которых было полно в окрестных деревнях, но только вдруг неожиданно окаменевшие. Как удалось древним мастерам создать из камня эти легкие и устремленные ввысь постройки, резко контрастирующие с массивными стенами монастыря и приземистым келейным корпусом, – на этот вопрос не мог ответить никто, тем более, что серьезного научного изучения удивительного переплетения в них черт традиционной деревянной и каменной архитектуры, до сих пор не было предпринято. Этот пробел и собирался заполнить Артем.

Глава II

Оставалось всего три рассвета, и от близости заветного дня каждый из них казался еще более прекрасным. Семен с детства любил рассветы, его часто мучила бессонница – среди таких как он это считалось нормой – поэтому восход солнца обычно встречал за околицей, на самом берегу озера. Особенно волшебными восходы были ранней осенью, в светлые солнечные дни бабьего лета. В колючем, слегка морозном воздухе, подернутом легкой дымкой, сначала разливалось нежно-розовое сияние. Оно поднималось над лесом, превращавшимся в желто-красную палитру великого Художника, затем его блики ползли по спокойной, прозрачной и застывшей в немом благоговении воде Ярозера, а когда все вокруг наполнялось этим необычным розовым сиянием, над темной кромкой леса, как всегда неожиданно, показывался краешек солнечного диска. И сразу же мир вокруг оживал, все краски, до того робкие и приглушенные, начинали играть в лучах поднимающегося светила: и зелень пока ещё сочной травы, и синяя гладь озера, и великолепное разноцветье леса и даже обычно уныло-серый ряд деревянных изб, – все это сливалось в восторженном единстве, своей красотой славя Творца, подарившего миру еще один новый день.

Сегодня Семен не пошел на берег. Он не спеша брел по деревне, стараясь насладиться каждой минутой этого волшебного летнего утра. Ему хотелось бодрствовать следующие двое суток, чтобы не пропустить ни одного мгновения, наполненного жизнью, чтобы успеть почувствовать все, что он еще не изведal за свои неполные восемнадцать лет, чтобы вместить в себя всю красоту и величие сотворенного мира.

Было еще очень тихо, хотя уже прокричали свое приветствие новому дню неугомонные петухи, а на некоторых дворах угадывалась сует – это самые заботливые хозяйки с раннего утра

спешили проведать свою домашнюю скотину. В то же время в новых, недавно построенных перебравшимися с большой земли общинниками домах, мимо которых проходил Семен, еще крепко спали. Это было неудивительно: непривычные к деревенской жизни приезжие обычно не держали скотину, а те, кто заводил у себя телят или козу, все равно по городской привычке старались подольше понежиться в постелях. Но Семен не винил их в этом, поскольку не было особой разницы между теми, кто родился на острове и теми, кто по своему желанию выбрал жизнь на нем и воспринял частичку разлитой здесь благодати. Иногда Семену даже казалось, что именно они, те кто переехал на остров с большой земли, совершили настоящий духовный подвиг – ведь совсем разные вещи: родиться на благодатной земле, или бросить все: привычную жизнь, друзей, работу, может быть даже семью, те соблазны, которые в изобилии предлагают большие и малые города, и встать на путь духовного просветления, отрешившись от всего, что было важно раньше. Впрочем, наставники учили, и Семен не мог им не верить, что все те, кто живет на острове, в равной мере праведны, если они не нарушают заповедей Творца.

Тем временем солнце уже поднялось и мелькало среди кленов, высаженных на берегу озера Иваном Карповым. Семен помнил его уже очень дряхлым, почти столетним стариком, к которому все относились с большим уважением и старались почаще навещать, хотя Иван последние годы жизни не вставал с постели. Говорили, что эти деревья он посадил в те далекие времена, когда еще совсем молодым парнем приплыл на остров. В его родном селе, где-то на другом берегу Ярозера, большевики закрывали церковь. Несмотря на молодость, Иван не только сам встал на защиту святыни, но и поднял многих деревенских мужиков, за что был нещадно бит горячими сторонниками новой власти, а затем и изгнан из родного села.

Тогда, в смутную годину первых послереволюционных лет, по берегам Ярозера и распространился слух о том, что в деревне на Большом острове нашли приют все истинно верующие, что известные своим благочестием обитатели острова дают приют не согласным с безбожным правлением большевиков. Говорили даже, что остров обладает чудесной силой, передаваемой ему покоящимися здесь мощами святого старца Аристофана, и что сила эта не дает гонителям православной веры добраться на остров с большой земли. Конечно не все из того, о чем говорили в те годы, было правдой, но смутные слухи, передаваемые шепотом бродящими между деревнями богомолками, сделали свое дело. Иван Карпов был лишь одним из многих, кто в ту пору присоединился к общине на Большом острове. И пусть некоторые из пришедших оказались не столь крепки в истинной вере, чтобы посвятить свою жизнь постоянному служению Творцу, однако постепенно вымиравшая община приобрела после революции вторую жизнь. А сам Иван, человек большого ума, пытливый и любознательный в вопросах веры, а главное, ведущий праведную жизнь по заповедям Творца и старца Аристофана, вскоре стал старшим наставником, равно почитаемым и другими наставниками и простыми общинниками.

Для Семена, отлично знавшего всю историю общины с того самого момента, как святой и праведный старец Аристофан ступил на Большой остров, никогда не возникало вопроса, почему же за годы советской власти деревню ни разу не потревожили безбожники. Он твердо верил в то, что над островом распростерта особая благодать, не дающая общине погибнуть в самые трудные для верующих людей времена. И еще Семен гордился тем, что на его веку вновь начался приток на остров людей с большой земли. Новые дома, составлявшие теперь добрую половину деревни, ясно свидетельствовали о том, что все больше людей там, в городах, по всей необъятной стране, начинают задумываться о спасении своей души и стремятся в единственное тихое пристанище, на Большой остров Ярозера.

На высоком двустороннем, выходящем на деревенскую улицу крыльце своего дома, одного из самых красивых и больших на старой половине деревни, сидел друг Семена Алешка, если полностью, то Алексей Петров. Он был всего на год младше Семена, но из-за небольшого роста и непослушных русых кудрей, постоянно спадавших на высокий открытый лоб, казался

еще совсем мальчишкой. Алешка тоже наслаждался покоем августовского утра – в руках он крутил точильный камень, а рядом на крыльце лежала коса, однако точить ее Алешка не спешил, ему то ли не хотелось будить еще спавших соседей, то ли просто не было желания в такую рань начинать какую-либо работу.

Алешку вообще трудно было назвать работающим, среди своих сверстников он отличался озорством, в детстве его одинаково трудно было заставить помочь отцу по хозяйству или вместе со всей деревней отправиться в церковь на ежедневную молитву. И это казалось тем более странным, что Алешка, как и Семен, был Избранным, а среди них такое поведение считалось редкостью и всегда вызывало косые взгляды и пересуды соседей о том, что не в меру расшалившийся мальчик Избранным не является, а у его матери есть за душой великий грех. Однако родители Алешки пользовались в деревне большим уважением как за то, что вели строгую и благочестивую жизнь, так и за скромное и богобоязненное поведение пятерых своих младших детей – Алешкиных братьев и сестер. Во многом именно поэтому на непутового Алешку вся община и даже строгий наставник Еремей смотрели с легким снисхождением. Кроме того, в деревне знали, что у парня доброе и чуткое к чужим бедам сердце. Если кому-то по-настоящему требовалась помощь, все Алешкино непослушание снимало как рукой – он мог целыми днями пропадать на огороде или в хлеву одинокой старухи Никифоровны, жившей на другом краю деревни, и частенько так тяжело хворавшей, что соседям приходилось по очереди следить за ее хлопотным хозяйством.

– Эй! – негромко крикнул Алешка вместо обычного приветствия, завидев проходившего мимо Семена, и призывно махнул рукой, приглашая его присесть рядом. Семен задумался, даже приостановился на секунду, глядя на друга поверх невысокого забора. В деревне вообще старались не ставить заборы, а если и ставили, то только для того, чтобы скотина случайно не забрела в огород.

Семен очень хорошо относился к Алешке, можно сказать, любил его как брата и знал, что может во всем ему доверять, но именно сейчас ему вовсе не хотелось с ним разговаривать. Алешка, в отличие от многих других общинников, никогда не скрывал того, что было у него на душе, но его прямота ценилась бы еще больше, если бы не переходила порой в откровенную бестактность. Семен знал, что их беседа сведется к восторгам друга по поводу предстоящего Семену радостного события и расспросам о том, как он себя чувствует и что ощущает в его преддверии. И без того где-то месяц назад Семен начал ловить на себе завистливые взгляды односельчан, хотя внешне все они стремились сделать вид, что ничего необычного не происходит. Что ж, это также было немаловажной частью традиции. Семен хорошо знал всю ее последовательность, ведь сам с раннего детства каждый год принимал участие в торжественном таинстве Посвящения, а кроме того, внимательно изучил его по священным книгам. Только в самый последний день окружающие вдруг как будто неожиданно изменяют свое отношение к Семену, и тогда он разделит с ними свою радость и благодарность Творцу.

Семен только приветливо помахал Алешке рукой и прошел мимо. Алешка посмотрел ему вслед и понимающе улыбнулся: его широкая душа искреннее радовалась за друга. Он огляделся вокруг, заметил, что в соседнем доме уже проснулись, и решительно принялся затачивать косу.

Тем временем Семен спустился вниз по деревенской улице, глядя то себе под ноги, на пыльную из-за установившейся сухой и жаркой погоды дорогу, то оглядываясь по сторонам на до боли знакомые деревенские избы из потемневших от времени бревен и свежие, еще сверкающие недавно отесанной древесиной, срубы нарядных домов новых общинников. На острове не было ни одного кирпичного или каменного здания – традиция предписывала строить только из леса, которого всегда хватало и на самом Большом и который, в случае необходимости, можно было легко перегнать на остров, связав в огромный плот. Тяжелые серые и коричневые валуны, которых на острове было так же много, как и по всему Русскому Северу, традиция

трогать запрещала – они оставлены на своих местах Творцом и должны покоиться там вплоть до окончания времен.

Семен прошел мимо избы, в которой, согласно полустертой табличке, находилась Начальная общеобразовательная школа деревни Большая. Сам Семен когда-то проучился здесь три года. В школе был всего один учитель – наставник Фрол, он собирал своих немногочисленных учеников 3–4 раза в неделю и вместе с началами светской науки преподавал им азы праведной веры, старался укрепить в них ростки благочестия. Жители деревни всячески защищали своих детей от грозящего соблазнами и часто разрушительно влиявшего на неокрепшие детские умы продолжения обучения в школе села Вознесенское на большой земле. Серьезных трудностей, впрочем, это не представляло, ведь на острове рождалось значительно больше детей, чем показывали регистрационные записи в далеком райцентре, поэтому немногих зарегистрированных старались как можно лучше подготовить к сопротивлению тем соблазнам, которые ждали их вследствие необходимости учиться в средней школе, а затем, для некоторых, и служить в армии.

Навстречу Семену из ворот своего нового, построенного силами всей общины двора, неуклюже переваливаясь, показалась толстая тетка Надя. Одета она была в праздничный сарафан, на голове повязан чистый белоснежный платок, из-под которого виднелись жирные седящие волосы. Не смотря на то, что тетка Надя только что вышла из дома, а поднимавшееся над лесом солнце еще не успело прогреть прохладный утренний воздух, на раскрасневшемся лице и толстой бычьей шее женщины обильно выступили капли пота. Тетка Надя медленно заковыляла вверх по деревне, и Семен легко догадался, куда она направляется – чтобы дойти до церкви, ей было нужно столько же времени, сколько Семену, чтобы обойти по кругу весь остров. Она всегда выходила из дома раньше всех и, кряхтя, переваливалась по деревне, обычно поспевая к самому началу утренней службы.

– Господь в помощь! – привычно поздоровался Семен, поравнявшись с ней.

– И тебе в подмогу! – хотя тетка Надя не так давно жила на острове, перебравшись сюда год назад после смерти двух сыновей, она все же старалась во всем, в том числе и в речи, подражать местным, а особенно пожилым и уважаемым членам общины.

Судя по появлению на улице тетки Нади, до службы оставалось не так много времени, а потому Семен ускорил шаг, дошел до конца деревни, по дороге встретив прогуливающуюся перед своей избой и также празднично одетую молодую рано овдовевшую Марину, выполнявшую в деревне функции лекаря и повивальной бабки.

Деревня потихоньку оживала, готовясь к утренней службе, чтобы начать новый день с вознесения своей скромной и недостойной хвалы Творцу. Тут и там уже слышались голоса, скрипели растворяемые двери, ворота и калитки, люди на улице собирались кучками, приветствуя друг друга пожеланиями Божьей помощи и вопросами о том, как кому спалось прошедшей ночью. Затем беседа плавно переходила на насущные деревенские нужды, на теплую погоду, на вчерашний обильный улов рыбы, и так за мирскими разговорами общинники потихоньку двигались вверх по деревне, туда, где чуть в стороне от главной улицы, с трех сторон окруженная лесом, стояла деревянная, необычной архитектуры, церковь Исхода праведных, которая в документах районного кадастра недвижимости значилась как освященная в честь пророка Моисея.

Семен уже не испытывал прежнего удовольствия от своей неторопливой утренней прогулки, зато в нем просыпалось радостное возбуждение, охватывавшее его всякий раз в преддверии богослужения. В нем соединялось благоговение перед Творцом, уважение к мудрости и праведности наставников, чувство единения со всей общиной, и немного детская и, как знал Семен, греховная, гордость от того, что он является Избранным.

Развернувшись, Семен тоже пошел в сторону церкви, здороваясь с выходящими из своих домов односельчанами. Ему нужно было успеть переодеться и помолиться дома перед тем,

как идти на службу, но парень был уверен, что успеет все сделать, и даже, как это и подобает Избранным, одним из первых подойдет под благословение старшего наставника Ильи.

Глава III

Погода начинала портиться. По глади Ярозера, подгоняемые крепчающим ветром, побежали барашки волн – предвестники ненастья. Солнце еще просвечивало сквозь пелену облаков, но на северо-западе, у горизонта, показались свинцовые дождевые тучи. Устроившись на вросшем в землю валуне под защитой монастырской стены, Маша делала беглую зарисовку летней церкви. Девушка любила и умела рисовать, хотя обычно пейзажам предпочитала портреты и классические натюрморты. Артем бродил неподалеку с фотоаппаратом, выискивая удачные ракурсы. Он уже сфотографировал по отдельности интересовавшие его архитектурные и декоративные элементы обеих церквей и теперь пытался подыскать место, откуда оба строения можно было бы поймать в один кадр.

Молодые люди поселились в недавно отстроенном стараниями игумена Анисима гостевом доме. Он был деревянным и казался насквозь пропитанным запахом свежесрубленной древесины. Купить новую мебель еще не успели, поэтому в комнатах для гостей стояли узкие железные кровати, которые игумен несколько лет назад удачно приобрел в Златоустинске после закрытия местного интерната.

– Видимо ночью будет дождь, – Артем подошел к своей невесте и слегка приобнял ее за плечи, вглядываясь в обозначившиеся на белом листе бумаги контуры церкви.

– Ты же знаешь, что я его люблю, – сказала Маша, не поворачивая головы.

– А что ты еще любишь? – игриво спросил Артем.

– Конечно тебя, – невозмутимо ответила девушка, продолжая наносить на рисунок тонкие штрихи.

Артем улыбнулся уголками губ и поцеловал Машу в лоб.

– Как ты считаешь, меня пустят к игумену? Я хотел бы поговорить с ним о монастыре и его истории.

– Ты же все о ней знаешь! Думаешь, он сможет рассказать тебе что-то, чего ты не прочитал в своих книжках?

– Меня интересуют местные легенды, в этом монастыре чувствуется что-то необычное, как будто святое что ли... – Артем смущенно замолчал. Он все еще находился под впечатлением мистического происшествия, случившегося в заброшенной часовне, и надеялся, что с отцом Анисимом удастся поговорить и об известных ему случаях чудесного обретения икон. – А еще я хочу посмотреть монастырскую библиотеку. Отец Михаил, который распоряжается в гостевом доме, сказал, что в ней есть местные издания по истории архитектуры и старые путеводители. В Москве таких раритетов не достанешь.

Солнце окончательно скрылось за облаками, на холме за монастырской стеной тревожно зашумел лес. Маша сложила мольберт и вместе с Артемом направилась в гостевой дом. Там их ждал Олег, заваривая кипятком из электрического чайника привезенную с собой сухую лапшу и чай в пакетиках. Помимо них в соседних комнатах расположились ещё две группы паломников. Как удалось выяснить общительному Олегу, одна из них была из Вологды, а другая из Питера.

Желание Артема поговорить с игуменом исполнилось ближе к вечеру. Отец Анисим оказался маленьким суетливым человеком, и весь разговор между ними состоялся на бегу: игумен спешил на монастырские огороды, проверить, закрыты ли перед приближающейся грозой расположенные там теплицы. По всем вопросам, касающимся истории монастыря, он посоветовал обращаться к отцу Всеволоду, который, кстати, заведует и монастырской библиотекой. На вопрос, не слышал ли он о необычных случаях нахождения икон в этой местности, отец

Анисим неопределенно ответил, что земля здесь намоленная, прославленная многими христианскими подвижниками, а потому и чудеса случались в прошлом и случаются по сей день. После этого игумен окончательно перешел на бег, а немного раздосадованный Артем отправился искать рекомендованного отца Всеволода.

Он ожидал увидеть почтенного седобородого монаха, наследника традиций древних летописцев, однако перед ним предстал молодой мужчина с аккуратной темной бородкой и в круглых очках. Вскоре выяснилось, что в миру отец Всеволод преподавал в Новосибирском университете, имел кандидатскую степень по философии, и почти сразу по прибытии в Свято-Троицкий монастырь был определен игуменом Анисимом в руководители создающегося монастырского экскурсионного бюро. Артема очень заинтересовало, почему человек от науки, тем более живший на другом конце страны, вдруг постригся в монахи и отправился на берега Ярозера. Спрашивать об этом было как-то неудобно, но отец Всеволод, по-видимому, уже привык к подобным немым вопросам.

– Личная трагедия, – сказал он, глядя в глаза Артему. – На вторую годовщину нашей свадьбы моя жена утонула в море. После похорон я пять дней не мог спать – как только закрывал глаза, сразу же видел ее лицо. В конце концов организм сдался, я проспал двое суток, а когда проснулся, то помнил только один сон, очень яркий и красочный: древний монастырь на берегу озера с лесистыми берегами. В интернете я нашел фотографии нашего монастыря и понял, что это то самое место, что я видел во сне.

Отец Всеволод ненадолго замолчал, а затем разговор перешел на историю Свято-Троицкой обители. Артем и Всеволод быстро нашли общий язык, общаться им было интересно и легко.

– Наши церкви, конечно, необычные, – объяснял отец Всеволод, – но ничего удивительного для местных крестьян в них нет. Они вообще не слишком разделяют каменное и деревянное зодчество. Здесь издавна с одинаковым умением обрабатывали оба этих материала. К тому же считается, что эти каменные церкви были построены по образцам уже существовавших здесь церквей деревянных. Их, якобы, срубили еще при первом игумене, они простояли больше двухсот лет и очень обветшали. Тогда буквально в десятке метров сложили новые каменные церкви, а старые, деревянные, разобрали.

– А в монастырской библиотеке есть какие-нибудь документы, относящиеся ко времени их строительства?

– Конечно нет, – улыбнулся отец Всеволод. – У нас там, в основном, советские книги. Все, что было накоплено до революции, или растащили после закрытия монастыря или вывезли в районные библиотеки и сельские избы-читальни. Богослужбную литературу просто сожгли... Хотя после того, как монастырь возродился, местные старушки вернули несколько старинных книг, спасенных в свое время их матерями и бабушками и упрятанных на чердаках. Есть даже Библия, изданная в год восшествия на престол императора Николая II. Мы стараемся бережно хранить такие книги, но, естественно, не хватает необходимого оборудования...

– Видимо тут действительно живет верующий народ.

– Как и по всей матушке-Руси, – снова улыбнулся отец Всеволод. – Что у нас в Новосибирске, в Академгородке, что здесь, в деревне Вепрева Пустынь, везде люди одинаковые. Сначала грешат, а потом у Бога прощения просят. Вот посмотришь на одного – работающий мужик, семья крепкая, в церковь каждое воскресенье ходит, да еще и помочь может батюшке, если в чем нужда. С соседями в ладу, даже в тюрьме не сидел – ну просто идеальный христианин. А на следующий день придешь – зарплату получил, в грязи у дома пьяный лежит, жена с подбитым глазом рыдает. Захочешь поговорить – таким матом обложит, что вовек не сунешься. И какой он настоящий? В Бога верит, а грешить не перестает.

– Пьянство – это, наверное, наша национальная болезнь, – заметил Артем.

– Болезнь сначала подхватить надо, а без доброй воли такую болезнь не подхватишь. Все от головы идет, от развращенного сознания.

– Неужели, тут все мужики пьющие?

– Практически да, кто-то меньше, кто-то больше. Только на Большом острове, говорят, не пьют. Там вообще интересное место, старая деревня вроде бы, но много и новых домов. Там как-то так сложилось, что народ очень праведный, всегда так было. Вот те, может быть, и не пьют, у них многое осталось еще с дореволюционных пор, весь уклад жизненный. Как будто и не было семидесяти лет безбожной власти.

– Удивительное явление, – сказал Артем. – А других каких-нибудь... ну чудес что ли... Не было ничего такого странного за последнее время?

Отец Всеволод вновь улыбнулся замешательству собеседника. Он часто наблюдал подобное смущение, когда светский человек, воспитанный нашей атеистической школой, пытался говорить о вещах духовных.

– Всякое бывает. Вот отец Анисим все время повторяет, что здесь святая земля, что чудеса вокруг, их только надо уметь видеть. И восход солнца – тоже чудо, и вон та сосна на берегу, и сам наш монастырь – все Господа славит. И исцеления у нас были у иконы святого Макария. В прошлом году одна женщина от рака вылечилась. Только тут не в конкретном месте дело, и даже не в конкретной иконе, а в вере и в раскаянии. Если человек всем сердцем в Бога верит, о грехах своих сожалеет, то он и дома на кровати вылечиться сможет, икона здесь только как помощник, духовный ориентир, выступает.

Артем решил показать отцу Всеволоду обретенную им икону, хотя его несколько смущали слишком уж реалистичные воззрения молодого монаха, в которых чувствовалось влияние того самого новосибирского Академгородка. Поэтому историю чудесного обретения иконы в заброшенной часовне Артем оставил для более благоприятного случая, достал из кармана темную дощечку и протянул ее отцу Всеволоду.

– Подскажите, пожалуйста, что это за икона? Вернее что за святой на ней изображен? Мне кажется, что это новгородская школа, возможно даже XVII век.

Монах принял икону, снял очки и принялся близоруко ее рассматривать. Молча оглядев со всех сторон, он бережно вернул икону Артему.

– Насчет возраста и иконописной школы Вы, скорее всего, правы, хотя сам я в искусствоведении не большой специалист. Вот философия Гегеля – другое дело, – монах-философ улыбнулся. – А что касается святого, изображенного на этой иконе, тут я могу дать однозначный ответ – это отрок Артемий Веркольский, достаточно почитаемый в наших краях, да и по всей Северной Руси.

Хотя Артем, изучая православные храмы, был поверхностно знаком с пантеоном русских святых, это имя он слышал в первый раз.

– А Вы не могли бы рассказать что-нибудь о нем? – попросил он отца Всеволода.

– Лучше всего, конечно, Вам было бы почитать его житие, но если говорить вкратце, то Артемий был благочестивым отроком, который жил в XVI веке в селе Веркола, это на реке Пинеге, относительно недалеко отсюда. Предание говорит, что он с детства проявлял кротость, трудолюбие и богобоязненность. Когда ему было 13 лет, он вместе с отцом пахал поле. Неожиданно началась гроза, и отрока убило молнией. В те времена бытовало убеждение, что любая внезапная смерть, а особенно смерть от удара молнии, является Божьей карой за некие тайные грехи. Поэтому отрока, как какого-то самоубийцу или большого грешника, не стали хоронить на деревенском кладбище, а отвезли в лес, положили на поляне и накрыли сверху хворостом и берестой. История эта вскоре забылась, но через двадцать восемь лет дьяк сельской церкви, собирая в этом лесу грибы, случайно нашел тело Артемия. Оно не только не разложилось и не было съедено дикими зверями, но и источало благоухание и таинственный свет. Крестьяне привезли нетленные мощи в деревню и положили их в церкви. Сначала мало кто верил в святость

отрока, но вскоре в этих землях началась эпидемия лихорадки. Оказалось, что молитва перед мощами Артемия позволяла излечиться от страшной болезни, началось прославление святого, а затем прекратилась и эпидемия. У мощей стали происходить различные чудеса, достаточно быстро Артемий Веркольский был канонизирован, в XVII веке уже существовал Свято-Артемьев Веркольский монастырь. Обитель процветала вплоть до революции. После нее особый отряд ВЧК прибыл в монастырь, чтобы вскрыть мощи, однако незадолго до этого они были вынесены монахами и спрятаны в неизвестном месте. Хотя сейчас монастырь и восстановлен, местонахождение мощей святого Артемия по-прежнему неизвестно.

– Интересная история, – заметил Артем. – Честно говоря, в ней много странного. Насколько я понимаю, православные подвижники обычно причислялись к лику святых за подвиги веры – мученическую смерть, проповедь веры язычникам, строгое постничество, другие аскетические деяния. Артемий ничего этого не совершал. Он просто был подростком, пусть трудолюбивым и послушным, но это же не редкость. А потом его тело вдруг оказалось нетленным и начали происходить чудеса.

– Пути Господни неисповедимы, – задумчиво ответил отец Всеволод. – Я не размышлял специально об этом случае канонизации, возможно в богословской литературе можно найти объяснение всему происшедшему. Но мой грешный ум подсказывает, например, такой ответ: жители этого села были суеверны и после несчастного случая в поле решили, что невинный подросток, почти ребенок, имеет на душе тяжкие грехи. Хотя откуда им было взяться у бедного крестьянского отрока? Чтобы вразумить их и отвратить от пагубного суеверия, Господь и прославил своего подвижника. Люди по своему невежеству посмертно обвинили его в тайных грехах, а оказалось, что он скрывал не грехи, а праведность. Кажущееся греховным и нечистым, может на поверку оказаться святым и праведным. Как и наоборот.

– Интересная гипотеза, – согласился Артем.

– Но лучше всего, повторюсь, почитайте его житие, – оно может что-то прояснить. – Кстати, интересное совпадение, что зовут его также как и Вас. Артемий Веркольский вполне мог бы быть Вашим небесным покровителем.

– Спасибо за подробный рассказ, – проговорил Артем, убирая икону в нагрудный карман ветровки. Затем он вернулся к основной теме разговора – Можно мне все-таки немного поработать в Вашей библиотеке? Отец Михаил сказал, что там много интересных книг, в том числе старые путеводители по этим краям.

– Конечно можно. Вот-вот дождь начнется. Приходи после вечерней трапезы, я тебе открою, заодно наши раритеты покажу. Как-никак ты аспирант, мы, в некотором роде, коллеги, – отец Всеволод незаметно перешел на «ты». Он не стал расспрашивать, откуда взялась эта явно старинная икона, а Артем так и не решился рассказать монаху о странных обстоятельствах ее обретения.

Артем вернулся в гостевой дом, где застал Машу и Олега за оживленной беседой.

– Мне здесь как-то не по себе, – жаловался Олег. – И все эти монахи, и паломники – тихие какие-то, как будто забытые. Глядя на них, я себя тоже подавленным чувствую, не в своей тарелке.

– Иногда мне кажется, что эти люди живут в каком-то своем особом мире, – заметила Маша. – Они по-другому смотрят на все, даже на самые обычные вещи. Но вот хорошо это или плохо, я не могу решить. Я думаю, что вера сама по себе учит только хорошему, доброму. Но в любой вере, в том числе и в нашей, православной, есть фанатики, которые ставят на первое место обрядовую сторону религии и стремятся уничтожить все, что не соответствует их воззрениям на мир.

– Я просто не хочу забивать себе голову такими рассуждениями. Если я вижу человека, которому нужна помощь, я обязательно ему помогу, и не буду ждать за это какой-то награды с неба или после смерти. Но я и сам хочу жить в свое удовольствие, не ограничивая себя какими-

то дополнительными рамками. – Олег немного помолчал. – Я конечно не хочу сказать, что ради своего удовольствия могу ограбить или убить человека, нет, просто для меня не понятны такие вещи, как пост или там ежедневная молитва.

– Но ты веришь в Бога? – спросила Маша.

– Даже не знаю. Я просто никогда не думал об этом серьезно. Скорее всего, у меня просто нет времени верить.

– Время есть всегда, – заметил вошедший Артем. – Русский крестьянин тоже работал от рассвета до заката, но всегда находил время и на молитву, и на посещение церкви. Но крестьянина и воспитывали по-другому. Без Бога он не чувствовал полноты жизни. А мы сейчас создали искусственную полноту, забили свою жизнь множеством ненужных вещей, действий и мыслей и теперь считаем, что у нас нет времени на вечные ценности.

– Я просто не вижу смысла усложнять свою жизнь, придумывая в ней какой-то высший смысл, – не уступал Олег. – Есть общепризнанные понятия о добре и зле, человек сам решает, какую сторону он принимает и за это несет ответственность перед окружающими людьми и своей совестью.

– А откуда взялись эти самые понятия о добре и зле? – спросила Маша.

– Может быть, их придумал Бог, а может быть и люди, я не думаю об этом, я просто следую своим путем, – Олег начинал злиться, поскольку вообще не любил долгих разговоров на отвлеченные темы.

– Может быть и хорошо, что ты такой стихийный атеист, – задумчиво проговорил Артем, ковыряя ногтем дверной косяк.

– Почему?

– Потому что человек должен принимать какую-либо веру и сердцем, и умом. А если он не хочет напрягать свой ум, то есть опасность, что его вера станет слепой и разрушительной. Так и появляются тоталитарные секты. А упертый атеист во много раз безобиднее такого безумного верующего.

– Такое впечатление, что если я не размышляю о вопросах веры, значит я какой-то недалекий! – обиделся Олег.

– Тут дело не в уме, я знаю, что ты очень умный человек. Дело в той потребительской культуре, к которой мы все принадлежим. Она одурманивает и отбивает привычку думать. А зачем? Ведь все уже придумали и решили за тебя! Нужно только расслабиться и получать удовольствие, не подвергая происходящее анализу...

Было заметно, что эта тема давно не дает покоя Артему. Заложив руки за спину, он прошелся по комнате. Маша с тревогой посмотрела на своего жениха.

– К сожалению, многие действительно начинают верить, что они должны делать то же, что делает большинство. Слушать ту же музыку, смотреть те же фильмы, говорить те же слова на те же темы! И постепенно общество становится одной безликой серой массой, сборищем клонов, сознанием которых очень легко манипулировать! Людей в таком состоянии можно толкнуть на чудовищные преступления, и никто из них даже не подумает о том, что он совершает что-то неправильное.

– Но Олег же четко представляет себе эту грань, – Маша постаралась смягчить разговор.

– Потому мы с ним и друзья, – неожиданно улыбнулся Артем. Он присел на край кровати Олега и похлопал друга по спине. – Не обижайся, ты же знаешь, что некоторые темы для меня как красная тряпка для быка. Нам надо поужинать, а перед сном я хочу немного позаниматься в местной библиотеке. Пойдем в трапезную или опять будем питаться сухой лапшой?

– Давайте прогуляемся до трапезной! – сказала Маша. – Погода может испортиться надолго, а меня, как и Олега, уже начинают угнетать эти стены.

– Мне почему-то кажется, что дождя не будет, – ответил Артем. – Но прогуляться не помешает, ведь мы ехали сюда не для того, чтобы сидеть взаперти. Да и монастырская еда намного полезнее наших полуфабрикатов...

* * *

Дождь все же начался. Гроза прошла стороной, но небо затянули плотные тучи, напоминающие о приближающейся осени, так что стемнело раньше обычного, а вскоре в стекла забарабанили первые капли. Артем сидел за столом в маленькой комнате монастырской библиотеки и при свете тусклой настольной лампы изучал книги, которые смог найти на деревянных стеллажах, сделанных руками монастырских трудников. Иногда он поднимал голову и подолгу смотрел в темный квадрат зарешеченного окна, по которому стекали ручейки дождевой воды.

Библиотека находилась в старом келейном корпусе с низкими сводчатыми потолками, толстыми выбеленными стенами и маленькими окошками. Артем представил, как в ненастные осенние ночи сотни лет назад какой-нибудь монах-летописец сидел так же при свете колеблющейся свечи и тяжеловесным средневековым слогом, остро отточенным гусиным пером описывал то, что случилось в монастыре и его окрестностях за прошедшую неделю, месяц или год. Как, в сущности, мало изменилась с тех времен жизнь в этих глухих местах...

Артем подумал о том, что в гостевом доме Маша так же смотрит в залитое дождем окно и ждет его возвращения. Эти мысли заставили его поторопиться и снова углубиться в чтение. Ему удалось найти достаточно интересное издание: краеведческую брошюру, написанную уроженцем соседней деревни, ставшим позже известным ученым-искусствоведом, членом академии наук и лауреатом множества отечественных и международных наград и премий, Степаном Тимофеевичем Острожским. Артем был знаком с его многотомными трудами по истории и теории древнерусского зодчества, однако уникальность найденного Артемом издания была в том, что Острожский составил этот справочник-путеводитель на заре своей научной карьеры, сразу после войны, когда был учителем в Златоустынской школе. Брошюра вышла в мягкой обложке тиражом всего в триста экземпляров. Было заметно, что автор – настоящий патриот своего края, восхищавшийся красотой деревянных северных церквей, в которых советская власть и официальная наука того времени видели, в основном, лишь бесполезные культовые сооружения.

Вскользь описывая Свято-Троицкий монастырь, Острожский подробно останавливался на необычной церкви, освященной в честь пророка Моисея, построенной на Большом острове Ярозера. Это сооружение, по своей архитектуре не похожее ни на один из окрестных храмов, больше напоминало дворянскую усадьбу, чем традиционную церковь. Ее характерной особенностью были искусно выточенные из дерева фасадные колонны, подпиравшие деревянный же фронтон. Подобный архитектурный прием, хотя и в гораздо больших масштабах, был реализован в камне при строительстве Исаакиевского собора в Санкт-Петербурге. Будущий академик отмечал, что жители острова вообще известны своей приверженностью православию, и что описанная церковь была возведена полтора века назад, взамен сгоревшей от удара молнии, но поддерживалась в идеальном состоянии, несмотря на строжайший запрет Златоустынского Совета депутатов трудящихся использовать древесину для починки ветшавших культовых сооружений и строительства новых.

Артема чрезвычайно заинтересовала необычная постройка на острове. К сожалению, он не знал, что случилось с церковью пророка Моисея за более чем полувековой срок, прошедший с момента выхода брошюры. Он хорошо помнил, что ни в одном из позднейших путеводителей и научных трудов, которые ему довелось прочитать в Москве, эта церковь не упоминалась. Скорее всего, она или снова сгорела, или была разобрана по указанию Златоустынского райсовета, недовольного игнорированием его директивы со стороны жителей Большого острова.

Артем решил утром расспросить отца Всеволода или отца Михаила о судьбе церкви. С этими мыслями он закрыл книгу, погасил лампу и на ощупь стал пробираться к двери. Внезапно он остолбенел. В сводчатом дверном проеме, черневшем на фоне белых стен, кто-то стоял. Артем не мог различить силуэт, но ясно видел два жутких, горящих красным огнем глаза, смотревших на него из-под арки. Артему даже почудилось, что он слышит хриплое дыхание ночного визитера. От него исходили волны мистического, иррационального ужаса, который сковывал сознание, парализовывал голосовые связки. Существо в дверном проеме не шевелилось и не моргало. Артем стоял, схватившись за край стеллажа, и как загипнотизированный смотрел в кроваво-красные глаза. Сколько продолжалась эта безумная сцена, Артем сказать не мог. Ему пришлось собрать в кулак всю свою волю, чтобы попытаться закричать. Но в тот момент, когда он уже готов был позвать на помощь, дьявольские глаза вдруг моргнули и исчезли. Тут же пропала и атмосфера страха. Артем бросился к столу, включил лампу и направил ее в проем. К его удивлению, деревянная дверь была закрыта, в библиотеку явно никто не входил.

Артем еще некоторое время сидел за столом, собираясь с духом, прежде чем вновь попробовать уйти. Сердце учащенно билось, стоило зарыть глаза, как он вновь чувствовал на себе исполненный злобой взгляд демонического существа. Наконец Артем встал и вышел из библиотеки, не выключив свет. Пробираясь мимо заполненных книгами стеллажей, он решил до поры до времени никому не рассказывать о новом странном происшествии, чтобы его окончательно не сочли сумасшедшим.

Глава IV

Старший наставник Илья был уже не молодым, но крепким, даже кряжистым мужиком с густой, начинающей седеть бородой. Он руководил общиной на острове больше десяти лет и за это время успел повидать и пережить многое, как в своей родной деревне, так и на большой земле, куда ему приходилось периодически отправляться, поскольку официально он числился старостой и единолично представлял на острове государственную власть.

Илья хорошо знал каждого общинника, черты его характера, тайные слабости, радости и даже страхи. Он знал, что далеко не все на острове так же искренне, как он сам, верят в заповеди Творца и поучения старца Аристофана. Конечно, «Книга о благодатном житии», которую с раннего детства изучали все общинники, была, на самом деле, трудом коллективным, и заповеди, содержащиеся в ней, записывались поколениями учителей и наставников. Но ее ядро, главные идеи, сформировавшие эту книгу и сделавшие возможной жизнь на острове, все же принадлежали праведному старцу, чьи мощи покоились под алтарем церкви Исхода праведных. И для подавляющего большинства общинников «Книга о благодатном житии» была от первой до последней строки написана Аристофаном. Необходимость скрывать эту тайну, наряду со многими другими, тяжелым грузом давила на плечи Ильи.

В последние годы на остров валом валил народ со всей страны и даже из ближнего зарубежья. Община разрасталась, и это не только радовало, но и беспокоило Илью. Постоянное переселение людей на остров привлекало к нему излишнее внимание. А существование крепкой христианской общины и того уклада древнерусской жизни, который веками создавался здесь усилиями предшественников Ильи, было возможно лишь вдали от современной цивилизации.

Старший наставник вытер со лба обильно выступивший пот и с тревогой посмотрел на небо. Он безошибочно определял приближение дождя и понимал, что нужно было поторопиться. Осень на севере начинается рано, и непогода вполне могла затянуться на несколько недель. Илья собирался до дождя перекидать остатки сена, скошенного и разложенного на заднем дворе еще в июне, в специальную постройку – огороженный навес, называемый ригой. Июль выдался жарким, сено подсохло, и теперь должно было до весны прокормить двух коров

и пятерых коз, которые жили в хозяйстве Ильи. Старший наставник перекрестился и хотел было вновь взяться за вилы, когда увидел, что со стороны леса в его сторону идет человек. Приглядевшись, Илья узнал в нем Сергея Митрофанова.

Сергей переехал на остров совсем недавно, не прошло еще и полугода. Строиться ему не пришлось – незадолго перед этим умерла одна из престарелых жительниц деревни. Детей у нее не было, муж-офицер погиб в Афганистане, поэтому ее избу община решила передать Сергею. В некоторых, особенно из таких же новоприбывших, это решение породило зависть, но Сергей своим поведением очень скоро расположил к себе всех общинников. Он оказался мастером на все руки: за месяц практически заново перестроил доставшуюся ему избу, не чурался любой работы, а главное – с удовольствием помогал, чем мог, всем односельчанам. Большое рвение проявлял Митрофанов и в вопросах веры, что было особенно важно для наставников. «Книгу о благодатном житии» он выучил практически наизусть, благодаря хорошему голосу и слуху великолепно исполнял псалмы и молитвы, старался как можно глубже проникнуть во все тонкости вероучения, три месяца назад был торжественно принят в общину. Честно говоря, настойчивость Сергея в его духовном искании даже начинала раздражать Илью. Несмотря на то, что он все еще носил звание Ученика, Сергей вел долгие оживленные беседы с наставником Фролом и узнавал от него то, что сам Илья узнал, лишь пройдя многие ступени обучения. Впрочем, обезоруживающая улыбка Сергея и его искреннее стремление к праведной жизни все равно симпатизировали Илье.

Благодаря отточенному за годы чутью наставника Илья предвидел, какой вопрос привел Сергея к нему на двор. Уже несколько дней в деревне ощущалось радостное волнение по поводу близящегося Посвящения Семена Смородкова. Традиция строго предписывала прихожанам не разговаривать об этом вплоть до дня Посвящения, однако Илья понимал, что в семейном кругу этот запрет часто нарушается, поскольку не обсуждать такое радостное событие общинники не могли, тем более, что со времени последнего Посвящения прошел почти целый год. С Сергеем, как с неопитом, человеком, прибывшим на Большой совсем недавно, вряд ли кто-то заговаривал об этом, однако он сам заметил царящее на острове оживление и уже несколько раз пытался расспросить о нем и наставника Фрола, и старшего наставника Илью.

В соответствии с традицией, наставники всячески старались разубедить Сергея в том, что на острове готовится какой-то праздник. Илья не сомневался, что и сейчас ему придется заняться тем же.

– Господь в помощь, отец! – поприветствовал его Сергей.

– И тебе в подмогу! – ответил Илья, подумав, что сейчас ему пригодилась бы подмога самого Сергея, поскольку сена оставалось еще много, сам наставник уже подустал, а Митрофанова, помимо всего прочего, отличала и недюжинная физическая сила.

Сергей как будто прочитал его мысли:

– Помочь тебе с сеном? Кажется, приближается гроза, один можешь не управиться.

– Помоги, если есть желание, – Илья передал Сергею лежавшие недалеко запасные вилы, и они уже вдвоем принялись перекидывать сено. Некоторое время работали молча, но когда Илья снова остановился, чтобы дать короткий отдых уставшей спине, Сергей, словно ждавший этого момента, тоже распрямился, оперся на вилы и сказал, глядя на плывущие по небу тучи:

– Отец, я знаю, что тщеславие – один из величайших грехов, поэтому не подумай, что именно оно движет моим языком. На самом деле им движет стремление скорее и полнее постичь все, что заповедовал нам великий и святой старец Аристофан. Уже три месяца как я вступил в общину, попал на корабль спасения, но до сих пор стою лишь в притворе церкви, я не могу слушать твои проповеди и совершать таинства вместе с другими. Я хорошо знаю «Книгу о благодатном житии», но другие наши священные книги мне недоступны. Наставник Фрол говорил, что я должен достичь просветления, мои духовные глаза должны открыться,

и тогда я вместе со всеми смогу совершать великие таинства. Скажи, когда же, наконец, это случится и как приблизить этот день?

Илья ничего не ответил и продолжил размеренно перекидывать сено в ригу. Он был старшим наставником общины и помимо словесных проповедей старался и делами наставлять своих учеников. Сергей, при всех его достоинствах и желании скорее и глубже постичь истину, был слишком нетерпелив, и пауза перед ответом на так сильно интересовавший его вопрос, должна была способствовать воспитанию терпения и выдержки.

Поняв, что незамедлительного ответа не последует, Сергей вновь принялся за работу. Он догадывался, что наставник испытывает его и был готов больше не возвращаться к затронутый теме. Как и предвидел Илья, его интересовал и вопрос о готовящемся празднике, он уже намеревался во время следующей паузы спросить об этом наставника, однако через несколько минут напряженной работы, Илья неожиданно остановился и задумался, пристально глядя в лицо своему ученику. Как и полагалось, Сергей скромно отвел глаза от пронизательного взгляда наставника. Через некоторое время Илья заговорил, медленно подбирая слова:

– Сын, ты один из лучших моих воспитанников, ты проявляешь похвальное рвение в изучении основ веры, а своей жизнью подаешь пример многим из тех, кто родился на острове. Говорю тебе это не для того, чтобы ты возгордился, а чтобы знал, что тебе дано большое усердие и понимание, а как говорит Писание, кому много дано, с того много и спросится. Порой ты бываешь чересчур тороплив и несдержан, но это не великий грех и его можно победить послушанием и смирением. Ты прав, тебе уже пора стать просветленным.

– Но что я должен для этого сделать? – перебил его Сергей.

– Твоя невожатанность сильно мешает тебе. Разве ты не знаешь, что нельзя перебивать наставников? В наказание за это принесешь епитимью – пятьдесят поклонов в землю на вечерней службе.

– Да, отец, – смиренно произнес Сергей.

– Теперь слушай. Достичь просветления можно разными путями. Мы не в школе, поэтому нет какого-то экзамена, после сдачи которого откроются твои духовные глаза. Ты на острове всего несколько месяцев и только начинаешь вкушать разлитую здесь благодать. До тебя были люди, которые тяжелым каждодневным трудом на протяжении многих лет добивались благословения на полноправное членство в общине. Другим требовалось совершить какой-либо подвиг веры: например, десять раз переписать «Книгу о благодатном житии» или в одиночку отправиться в келью на Лисьем мысу и провести там без пищи несколько дней или даже недель. Для кого-то подвиг заключался в бескорыстной помощи своим братьям и сестрам, когда человек все силы и умения отдавал на служение ближним. Только наставник может решить, каким путем тот или иной человек придет к просветлению. Но совершив свой подвиг и получив благословение, он делает важнейший шаг к спасению.

Илья надолго замолчал, глядя в небо, постепенно заполнявшееся тяжелыми темными тучами. Сергей понял, что продолжать наставник не будет, и спросил:

– Отец, а какой подвиг могу совершить я? Как мне получить благословение?

Илья перевел взгляд с надвигавшихся туч на своего духовного сына. Он явно пребывал в задумчивости и теребил рукой густую бороду. Вдруг на его лице как озарение мелькнула какая-то мысль. Сергей напрягся, ожидая услышать о своем пути к спасению. Илья несколько секунд помедлил и лишь затем заговорил, подбирая слова еще более осторожно и взвешенно, чем прежде.

– Как я тебе уже сказал, ты многого достиг на ниве духовного обучения и проявляешь большое рвение. Для таких как ты есть еще один путь вступления в общину, хотя и идут этим путем немногие, поскольку он нелегкий и тернистый. Ты наверняка знаешь, что среди нас живут отроки, которых мы называем Избранными. Ты знаешь, насколько им повезло, как они отличаются от нас, и насколько они от рождения ближе к Творцу, чем мы. Ты также должен пом-

нить, что по заповедям старца Аристофана, спасение наших душ во многом зависит от таинства Посвящения Избранных.

Сергей кивнул в знак согласия, и Илья перевел дух.

– Посвящение Избранных – самый большой праздник для общины праведных, но вместе с тем, – огромная ответственность, поскольку только точное соблюдение всех установленных обрядов и правильный душевный настрой каждого участника таинства позволяют общине надеяться на милость Творца к себе и к самим Избранным. Особую роль в Посвящении играют Небесные крестные Избранных. Они становятся вторыми крестными отцами этих детей и несут ответственность за их души перед Творцом. Быть Небесным крестным – тяжелый труд, однако именно в этом я вижу для тебя путь к просветлению.

Илья замолчал. Сергей, немного подождав, сказал:

– Все это очень неожиданно, отец, многое в твоих словах мне непонятно, однако я готов быть Небесным крестным для кого-нибудь из Избранных, если ты считаешь, что это в моих силах. Я во всем доверяю тебе и твоему мудрому решению. Но когда же свершится таинство Посвящения?

– Я не могу открыть эту тайну, – Илья конечно же лукавил, однако того требовала традиция: кроме самих Избранных и их наставников никто не должен знать, когда произойдет их Посвящение. Хотя очень многие на острове лишь делали вид, что не знают этого.

– Я понял, отец, – задумчиво сказал Сергей. – Я готов пройти то испытание, которое ты считаешь нужным, и выполню все, чтобы спасти свою душу. А пока я продолжу обучение и буду надеяться на безграничную милость Творца.

Сергей набожно посмотрел в небо, и в этот момент оно озарилось вспышкой далекой молнии, а через несколько секунд до мужчин долетел пока еще слабый раскат грома. Не говоря ни слова, Илья и Сергей снова принялись за работу.

Глава V

К утру немного распогодилось. Дождь прекратился, и сквозь бегущие по небу тучи изредка проглядывало августовское солнце. На монастырском дворе пахло мокрой землей и какими-то пряными травами. Артем полной грудью вдыхал свежий воздух и зябко ежился, когда под ветровку пробирался налетавший с Ярозера холодный ветерок. В специально отгороженном закутке у монастырской стены Артем поливал ледяной водой из ковшика голого по пояс Олега, который, несмотря на то, что в гостевом доме был душ, заявил, что водные процедуры будет принимать на улице. От вида полураздетого друга Артему становилось еще холоднее.

Олег обтерся жестким вафельным полотенцем и ушел одеваться, а Артем отправился поблагодарить отца Всеволода за возможность воспользоваться библиотекой. Монахи и несколько паломников выходили из летнего храма, где только что закончилась служба. Отец Всеволод обсуждал с отцом Анисимом какие-то хозяйственные вопросы. Игумен отчаянно жестикулировал, показывая то на деревянную крышу одной из монастырских башен, то себе под ноги, на усыпанные гравием дорожки. Отец Всеволод шел рядом с ним, заложив руки за спину и изредка вставляя в монолог отца Анисима короткие фразы. Артем почтительно постоял в сторонке, пока монахи не закончили разговор. Когда игумен быстрым шагом направился в сторону монастырских ворот, Артем подошел к отцу Всеволоду.

– Доброе утро, могу я отвлечь Вас на минуту?

– Да, конечно, – улыбнулся монах.

– Хочу поблагодарить за то, что разрешили мне поработать в библиотеке. Хотя Вы и говорили, что там нет ничего интересного, я нашел старый путеводитель, составленный Острожским, думаю, что он очень поможет мне в работе.

– Не стоит благодарности. Я рад, что тебе пригодились наши книги. А что касается Степана Тимофеевича Острожского – это был, конечно, удивительный человек. Несмотря на то, что уровень образования местных жителей сейчас оставляет желать лучшего, фамилию Острожского здесь знает каждый ребенок. Местные гордятся своим земляком, и, надо сказать, правильно делают. Это своего рода советский Ломоносов, выходец из низов, сделавший блестящую научную карьеру. Школа в соседней деревне, где он учился, названа его именем.

– Я хорошо знаком с его работами, – заметил Артем. – По ним сразу чувствуется, что к своим родным местам по Ярозеру он относился с особенной теплотой.

– Еще бы! Он же еще мальчишкой исколесил все окрестные деревни, облазил наш монастырь, который тогда стоял в руинах, а потом, уже всерьез занявшись наукой, описал все увиденное, сделал интересные выводы, касающиеся архитектуры северных деревянных церквей. Жаль только, что его личная жизнь сложилась несчастливо.

– А что с ним случилось? Я об этом никогда не слышал.

– Мне об этом рассказывали дальние родственники Степана Тимофеевича – они до сих пор живут в этих местах. Его старший сын трагически погиб в подростковом возрасте, а через несколько дней, видимо не выдержав тяжести этой трагедии, жена выбросилась из окна. Он больше так и не женился, один воспитывал младшего сына, практически перестал ездить в экспедиции. Сейчас его сын, говорят, топ-менеджер в одной из крупных нефтяных компаний. По стопам отца в науку пойти не захотел.

– Печальная история, – задумчиво произнес Артем. – Кстати, в своей брошюре Острожский упоминает о церкви пророка Моисея на Большом острове. Вы о ней что-нибудь знаете? Я изучил много современных путеводителей и монографий, но больше нигде об этой церкви не упоминается.

– Это неудивительно, – отец Всеволод снял очки и протер их краешком рясы. – Большой остров – весьма интересное место. Сам я никогда там не был, но слышал много рассказов о нем.

– И что в нем интересного? – спросил Артем. – Кроме непьющих жителей?

– Я уже говорил тебе, что там своеобразный жизненный уклад – христианская община в том понимании, в каком она существовала не только до революции, но даже до реформ Петра Великого. При этом их нельзя назвать раскольниками. Жители острова иногда приезжают в наш монастырь, молятся перед иконой святителя Макария, стоят службу, потом уезжают. Но вот к ним на остров попасть намного труднее. Они не любят случайных людей – туда приезжают только те, кто хочет остаться в общине на всю жизнь. Острожский – один из немногих, кому на Большом острове были рады. Он часто туда приезжал и подолгу гостил, конечно, до того, как уехал в Москву.

– А после него никто из краеведов туда не добирался, – догадался Артем.

– Скорее всего. Я не думаю, что они всех приезжих прогоняют палками или избивают. Но факт остается фактом – чужим людям на Большом острове не рады.

– Действительно странное место.

– А кто знает? – теперь уже голос отца Всеволода стал задумчивым. – Возможно, они поступают правильно. Мы здесь в монастыре прокладываем дороги, создаем экскурсионное бюро, пытаемся привлечь побольше паломников и туристов. Все это конечно хорошо, но многих братьев, особенно послушников, это вводит в искушение – сильно отвлекает от нашего главного предназначения – служения Господу. Ведь сюда приезжают и молодые девушки, а это огромный соблазн для неокрепших душ. Недаром святые подвижники прошлого уходили в глухие леса, становились отшельниками. Трудно совмещать монашескую жизнь и тесное общение с миром.

Отец Всеволод вздохнул.

– Но как говорит отец Анисим – у каждого свой путь к спасению. Для кого-то это уединенная молитва в лесной хижине, для кого-то помощь больным, сиротам и бездомным на ули-

цах больших городов, а для нас, видимо, – это приводить людей к Богу, используя то, что у нас есть – святыни этого монастыря.

– Мне кажется, что многое зависит не только от самого пути, но от того, как человек по этому пути идет, – заметил Артем. Ему хотелось вывести разговор из философского русла. – То есть Вы думаете, что церковь на Большом острове еще может существовать?

– Больше того – я знаю, что она существует. Паломники, приплывающие с острова, рассказывали о ней.

– Но попасть туда и осмотреть ее мне вряд ли удастся?

– Ты можешь попробовать. Плыть до острова не очень далеко, там налажено что-то вроде паромной переправы – раз в неделю по воскресеньям с острова приходит большая лодка. Но сегодня только среда, поэтому лучше взять нашу, монастырскую моторку. Если на этом острове действительно такое благочестивое население, как о нем говорят, они не прогонят человека, который прибыл с благими намерениями.

– Мне бы очень помогло изучение этой церкви! Вы же понимаете, каким плюсом для диссертации станет информация об объекте, который не исследовался более полувека. Я вообще сомневаюсь, что сведения об этой церкви есть в какой-нибудь научной работе за исключением брошюры Острожского.

– Я рекомендую тебе попробовать. Ведь если ты хочешь серьезно заняться наукой, тебе придется искать нехоженые пути, – отец Всеволод улыбнулся и, попрощавшись с Артемом, отправился по своим делам.

Артем поднялся в гостевой дом и предложил Маше и Олегу прогуляться до соседней с монастырем деревни Пустоволок, где можно было бы арендовать лодку и сплавать на Большой остров. Хотя у монастыря, как сказал отец Всеволод, имелись свои лодки и даже маленький катер, Артем не хотел злоупотреблять гостеприимством братии.

Олег побросал в рюкзак провизию для обеда, Маша взяла фотоаппарат и друзья вышли за монастырские ворота.

– Лишь бы не было дождя, – Маша тревожно поглядела на небо.

– Да и ветер нам тоже не нужен, – сказал Олег. – Хоть озеро и небольшое, ходить по нему на лодке при сильном волнении я бы не рискнул. У меня так знакомый утонул в Карелии в прошлом году.

– Все будет хорошо! Утонуть на Ярозере в наши планы не входит, – сказал Артем. – У нас впереди долгое путешествие. Я думаю, что завтра утром можно будет ехать дальше. В монастыре нас больше ничто не держит, а вот осмотреть, сфотографировать, а желательно и обмерить церковь на Большом острове было бы здорово.

Дорога, проходившая мимо монастыря, через несколько сотен метров упиралась в деревню Пустоволок. Ее жители больше всех были рады возрождению монастыря, поскольку у них появилась новая дорога, а обитель дала возможность всем желающим немного подзаработать на реставрационных работах и на обслуживании пребывающих паломников. Теперь все не уехавшее на заработки и не спившееся население деревни активно заготавливало на продажу грибы, ягоды и рыбу, те, кто помастеровитее, плели из бересты туески и шкатулки, вырезали из дерева кресты и иконки, а те, кто не мог или не хотел делать ничего, по выходным просили подаяния у монастырских ворот.

Деревня дугой растянулась вдоль берега Ярозера. На пригорке стояли жилые избы: добротные старинные постройки, в которых и жилая часть и двор были объединены под одной крышей. Только так можно было вести хозяйство в суровых северных условиях. Избы образовывали изломанную линию, фасады были обращены в сторону озера. Среди потемневших от времени строений выделялось два-три новых дома, сложенных из кирпича или блоков. Многие избы были заколочены, некоторые, заброшенные очень давно, медленно разрушались. Раски-

нувшийся под низкими и серым северным небом, Пустоволок представлял собой живописное, но мрачноватое зрелище.

За деревней находился выгон для скота, окруженный невысокой изгородью, а вдоль берега озера выстроился еще один ряд маленьких строений – бань. Около каждой бани был сработан мосток, с которого полоскали белье или набирали воду. У некоторых мостков покачивались на воде привязанные лодки.

Артем, Маша и Олег прошли мимо большого деревянного креста с вырезанным на нем названием деревни и годом установки – 2005. В будний день улица казалась пустынной. Мужчины трудились в монастыре, многие уезжали на заработки в Златоустыинск или вахтовым методом работали в Москве и Питере. Женщины копались в огороде или ухаживали за скотиной. Непогода разогнала по избам даже стариков, которые обычно сидели на лавочках или завалинках около изб. Только у колодца, находившегося почти в центре деревни, друзья встретили первого человека. Крупная женщина с собранными в пучок грязными волосами, в резиновых сапогах и ватнике, накинутом на выцветший сарафан, набирала воду в два эмалированных ведра. Она с подозрением посмотрела на приближающихся туристов.

– Доброе утро! – поздоровался Артем. – Помочь не нужно?

– Воды-то принести? – с пренебрежением отозвалась женщина. – Спасибо, не надо, сама управлюсь.

Артем понял, что приятного разговора не получится, поэтому сразу спросил:

– Вы не знаете, у кого здесь можно лодку взять на прокат?

– А вам зачем? – так же неприветливо спросила женщина.

– Хотим по озеру прокатиться, – ответил Артем. – Мы туристы, остановились в монастыре.

– Вот и брали бы в монастыре лодки, что по деревне-то шататься.

Маша первой не выдержала этого не мотивированного хамства:

– Тогда мы в другом месте поспрашиваем. Спасибо Вам большое за помощь! – язвительно сказала она и, схватив Артема и Олега за руки, потащила их дальше по дороге. Старательно обходя оставшиеся после дождя лужи, друзья дошли почти до самого края деревни, когда им встретился еще один местный житель. Маленький морщинистый старик в грязной и порванной болоньевой куртке пытался обухом топора вбить поглубже в землю один из столбиков покосившегося плетня.

Артем хотел было открыть рот, чтобы предложить помощь, но Олег, не говоря ни слова, подошел к старику, взял из его рук топор и в два удара крепко вколотил столбик в мягкую после дождя землю.

– Спасибо, сынок, – поблагодарил дед. – Вы откуда такие красивые будете?

– Туристы мы, отец, сами из Москвы. В монастыре живем, по окрестностям гуляем, – сказал Олег.

– Ух ты, далеко же вы забрались. Как дела на Москве?

– Дела идут, отец, народу много, дышать нечем, от работы устали, вот и поехали путешествовать.

– Хорошо тут у вас, места красивые, – вставила Маша. Старик в ответ заулыбался беззубым ртом.

– И люди приветливые, отзывчивые, – иронично добавил Артем, вспомнив разговор с женщиной у колодца.

– Что верно, то правда, – ответил дед. – Красивше наших мест нигде нету. Вот я здесь семьдесят два года прожил, а все равно как выйду за околицу, или вот на Ярозеро погляжу с бугорочка вот с этого, так душа прям поет-раскрывается.

– Отец, а ты нам не подскажешь, у кого в деревне можно лодку напрокат взять?

– А вам с мотором или на веслах?

- Да желательно с мотором. Мы за горючее заплатим, и за аренду тоже.
- С мотором и у меня есть. А много ли заплатите? – глаза деда хитро блеснули.
- В обиде не останешься.

– Тогда по рукам. Только вот еще что. Чтобы все было как полагается, надо еще этот оставить... как его... залог!

– Ну, отец, ты прямо коммерсант! Паспорт мой в залог примешь? – предложил Олег.

– А почему нет? Пойдемте, я лодку покажу. Кстати, зовут меня Романом Алексеевичем, а все местные кличут Костылем.

– Почему Костылем? – удивился Артем.

– А я как-то по молодости в лесу ногу сломал, да она все срастаться не хотела, я года два с костылем ходил, вот и приклеилась кличка. Костыля давно нет, но и сейчас хромаю немного.

Пройдя мимо дедова дома, они спустились к берегу Ярозера. Он весь зарос камышом и осокой выше человеческого роста. У воды было заметно холоднее, чем на пригорке, по серой глади озера бежали барашки волн. На берегу стояла старая покосившаяся баня: маленькое строение с мутным окошком. Проходя рядом с ней, Артем провел рукой по бревенчатой стене. Отполированные ветрами, дождями и снегом бревна были теплыми, несмотря на прохладную погоду. Артему вспомнились мистические истории, которые он знал по фольклорным сборникам. Наши предки считали баню самой нечистой из всех крестьянских построек. По их представлениям в бане нельзя было париться после полуночи, за это мог наказать обитавший там злой дух – банник, или его еще более злая и жестокая жена – обдериха. Смельчака, который рискнет зайти в баню в неурочное время, а тем более растопить там печь и начать париться, ждала незавидная участь: обдериха могла заживо содрать с него кожу и запихать ее за печку или под полати.

Артем подумал, что для мировоззрения русского крестьянина всегда была характерна определенная двойственность: баня представлялась ему местом, где человек мог очиститься, омыться от внешней грязи, но с другой стороны, она же была и сосредоточением темных, злых сил, несущих вред и даже смерть. Чистое и нечистое, святое и грешное на Руси всегда ходят рука об руку, трудно их разделить.

– А вы далеко плыть-то собираетесь? – спросил дед Роман. – Погода сегодня что-то разыгралась.

– Да вон туда нам надо, – Олег показал рукой. – На Большой остров хотим сплавать.

Старик остановился как вкопанный.

– И что вы там забыли? – спросил он, с подозрением глядя на ребят.

Друзья переглянулись: слишком уж резко изменилось отношение к ним деда Романа.

– Это мне туда нужно, – сказал Артем. – Я деревянные церкви изучаю. Вот прочитал, что на острове есть одна старинная церковь пророка Моисея, хочу ее осмотреть и обмерить.

Дед Роман состроил на своем морщинистом лице недовольную гримасу, но промолчал. Однако перемена настроения их спутника заинтересовало друзей.

– А что с этим островом не так? – спросила старика Маша.

– Все с ним нормально, – ответил дед.

– Мне показалось, что Вы недовольны тем, что мы собираемся именно туда.

– Не люблю я это место, – сквозь зубы ответил дед Роман.

– А по какой причине?

– Святоши там живут, сильно правильные во всем, – старик вздохнул и продолжил. – Я в нашей деревне всю жизнь передовиком был: комсомольцем сначала, потом в партию вступил, награждали меня много. Ни в Бога, ни в черта не верил никогда, как нам раньше говорили, что все это опиум для народа, религия эта вся. Ну и позакрывали все церкви у нас по округе, монастырь вот тоже закрыли. Где клуб сделали, где зернохранилище, что-то вообще разобрали. А они там, на острове, как до революции жили, так и продолжали жить. Как будто

в другой стране. И не трогал их никто, не знаю уж почему. Церковь у них эта самая работала, про которую ты говоришь. Мы как-то по молодости собрались с парнями, вроде порядок у них навести что ли. А председатель приехал, всех разогнал, сказал, что из района ему пригрозили: не трогать этих на острове. Ну а потом как советскую власть развалили, там уж вообще никому дела не стало. И монастырь вон опять открыли, теперь каждый во что хочет, в то и верит.

Дед Роман махнул рукой.

– В общем разное тут по округе про этот остров говорят. Кто говорит, что там одни святые живут, а кто – что наоборот безбожники. А мне как-то и не важно уже. Каждый теперь своим умом думает, развалили все, что можно, теперь уже все равно...

– Ладно, отец, мы там все равно надолго не задержимся, туда-сюда сплаваем и лодку тебе вернем, – сказал Олег. – Вот тебе оплата, вот мой паспорт. Только смотри, кредит на него не бери.

Олег улыбнулся, но дед Роман непонимающе посмотрел на него. Видимо эта традиционная московская шутка в здешней глуши была не актуальна.

– Ну вот и ваша лодка. С мотором управляться умеете?

– Умеем конечно, – заверил старика Олег. – И не на таких ходили! Судно у тебя что надо!

Однако Олег покривил душой. Лодка деда Романа, привязанная в зарослях камыша и рогоза к невысокому мостку, оставляла желать много лучшего: она была очень старой, доски корпуса давно рассохлись, на дне стояла вода, кожух мотора покрывала ржавчина. В общем, плавательное средство не внушало доверия, однако искать другие варианты друзьям уже не хотелось. Олег первым запрыгнул в лодку и завел мотор, Артем помог забраться Маше, дед Роман отвязал веревку от вбитого в дно столбика, и, не дожидаясь отплытия, заковылял к своей избе.

Олег устроился на корме, Артем и Маша расположились на лавке посередине лодки. Ребята в очередной раз порадовались, что взяли с собой резиновые сапоги. Через несколько секунд лодка уже скользила по Ярозеру в направлении Большого острова. Старенький мотор громко тархтел, от встречного ветра на глаза наворачивались слезы. Маша быстро замерзла и поплотнее прижалась к Артему. Олег уверенно управлял лодкой, несмотря на то, что как только они отделились от берега, ее начало заметно подбрасывать на волнах.

С воды открывался живописный вид на стоящий на длинном мысу Свято-Троицкий монастырь и на раскинувшуюся на пригорке деревню. За деревней темной стеной вздымался лес. До Большого острова было не больше полутора километров пути, его берег хорошо просматривалась. Но как Артем не напрягал зрение, он не мог различить на нем никаких признаков присутствия людей: видимо деревня располагалась либо на другой стороне острова, либо, что было менее вероятно, в его глубине. Порывы ветра раскачивали высокие сосны, росшие на острове, а серые тучи, бегущие низко над водой, напоминали о приближении осени.

Глава VI

Алешка Петров привычным движением пригладил непослушный русский чубчик и спустился с крыльца избы наставника Еремея. С озера дул сильный ветер, он глухо шумел в вершинах деревьев. Настроение у Алешки было не самым радужным – наставник Еремей только что побранил его за вчерашнюю шалость, однако сам Алешка никакого раскаянья не чувствовал: ну что может быть плохого в том, что он рано утром подпер рогатинами все двери в доме Сергея Митрофанова и тому пришлось выбираться из дома через окно? На взгляд Алешки это было всего лишь невинной забавой, однако наставник Еремей, известный своей строгостью, думал иначе.

За провинность на Алешку была наложена епитимья: двести поклонов в пол на вечерней службе, а кроме этого сегодня он должен был не в свою очередь навестить отшельника на

Лисьем мысу. Лисий мыс располагался на противоположной оконечности острова, там с незапамятных времен стояла хижина, в которой несли послушание и спасали свою душу те общинники, которых на это благословляли их наставники. Вот уже несколько недель там жил Артур Григорян – один из неофитов, перебравшийся на остров в прошлом году. Старший наставник Илья определил для него этот вид послушания, полагая, что он быстрее иных способов приведет Артура к просветлению.

Согласно слухам, ходившим по общине, на большой земле Григорян был известным бандитом, однако принятое им решение вступить в общину праведных, уже само по себе стало шагом к спасению его бессмертной души. Дальнейшее зависело только от самого Артура, от того, насколько искренне он будет раскаиваться в своих грехах и насколько добросовестно нести назначенное ему послушание.

Жизнь отшельников на Лисьем мысу проходила в непрестанной молитве и строгом посте, однако для поддержания физических сил спасающегося раз в неделю кто-нибудь из общинников приносил ему хлеба и немного овощей. Разговаривать с отшельником при этом строжайше запрещалось. Сегодня была не Алешкина очередь навещать отдаленную хижину, но наставник Еремей решил, что дорога через весь остров поможет парню получше обдумать свой проступок.

Неся в руках корзину с провизией, Алешка с опущенной головой шел по деревне. Единственной его радостью было то, что Еремей не отлучил его от завтрашнего таинства Посвящения Избранного. Для Алешки оно было вдвойне важным: во-первых, в этом году Посвящение проходил его друг Семен Смородков, а во-вторых, поскольку Алешка тоже был Избранным, в следующем году это важнейшее в жизни событие ожидало и его самого. Таинство было самым главным праздником для общины. С ним не могло сравниться празднование ни Моисеева дня, ни дня памяти старца Аристофана. Хотя таинство совершалось почти каждый год, Алешка в его преддверии всякий раз волновался так, как будто никогда на нем не присутствовал.

Пройдя мимо своего дома, Алешка повернул в сторону церкви Исхода Праведных. Утренняя служба уже закончилась, и в церкви не было никого, кроме Мишки Сухаря – глухонемого служки, который помогал наставникам присматривать за церковным имуществом. Летом Мишка жил в маленьком сарайчике у церкви, а зимой его по очереди привечали в домах общинников. За церковью дорожка превращалась в тропинку и уходила в лес.

Алешка не торопясь шел между деревьями. Поскольку тропинкой пользовались редко, путь постоянно преграждали склонявшиеся до земли стебли крапивы, за штаны цеплялись ветки малины и колючки чертополоха. В лесу было темно и сыро. Сильный ветер раскачивал кроны многовековых сосен и верхушки толстых замшелых елей. Стена леса не давала ветру спуститься вниз, однако на Алешку постоянно сыпались сорванные листья, напоминая о том, что уже скоро листопад заметет весь остров.

Алешка родился на острове и мог с закрытыми глазами обойти его вдоль и поперек. Практически весь он был покрыт густым лесом. Деревня ютилась на узкой безлесной полоске недалеко от западного берега. Там же находилась и переправа на большую землю. Тропинка, ведущая из деревни к Лисьему мысу, шла через лес, мимо кладбища, огибала озерцо, спрятавшееся почти в самом центре острова, после чего выходила на берег. Там были устроены мостки, у которых лежали лодки общинников, занимавшихся рыбной ловлей. Почему-то рыба лучше всего клевала именно у той оконечности острова. Дальше тропинка шла вдоль берега и выходила к хижине отшельников.

За шиворот Алешке упала крупная дождевая капля. Он зябко поежился и ускорил шаг. Идти по тропинке было тяжело, но у парня на сегодняшний день было запланировано еще много дел, поэтому он спешил поскорее выполнить поручение наставника Еремея. По мере того, как он приближался к берегу озера, сквозь равномерный шум леса донесся какой-то новый звук. Сначала Алешка не замечал его, но звук становился все громче. Парень остано-

вился, прислушался и понял, что это лягушачье кваканье, вернее целый лягушачий концерт. Он продолжил свой путь, тропинка повернула за кусты и вышла к ограде кладбища. Алешка поднял глаза и остолбенел.

Кладбище, на котором хоронили всех общинников за исключением Избранных, находилось на берегу внутреннего озера. Озеро было небольшим: несколько сотен метров в диаметре, однако, согласно местным легендам, совершенно бездонным. Росшие на берегу ели и осины низко склоняли свои кроны к воде, как будто неведомая сила тянула их в его темные глубины. Вода в озере была практически черной, с каким-то смолистым блеском, по ней никогда не пробегало ни малейшей ряби. Кое-где у берега на мелководье лежали гниющие стволы упавших в воду деревьев. От озера исходила скрытая угроза, которую чувствовали практически все, кто жил на острове, но разговаривать о которой было запрещено, тем более что на его берегу происходило таинство Посвящения Избранных.

Между берегом и тропинкой, на которой стоял Алешка, находилось кладбище. За столетия существования общины на Большом острове оно сильно разрослось, поскольку обычаи запрещали хоронить новых покойников в том месте, где были погребены другие общинники, чтобы им было легче встать в день Второго пришествия. За кладбищем хорошо ухаживали: это было послушанием сразу нескольких общинников. Аккуратные ряды могильных холмиков с восьмиконечными деревянными крестами всегда радовали глаз и настраивали на мысли о рае, в котором после смерти пребывают все верные.

Но сегодняшний день был исключением. Алешка увидел, что вся земля кладбища за низкой деревянной оградкой была усеяна сотнями и сотнями лягушек. Земноводные были повсюду: большие, средние и совсем маленькие, они сидели на могилах, в проходах между ними, даже друг на друге, и не переставая квакали. Лягушки производили жуткую какофонию, ее звуки разносились над стоячей водой мертвого озера и отражались эхом в лесной чаще.

На Большом острове к лягушкам было особое отношение. Их почитали священными так же как мух, комаров и кузнечиков. Людям под страхом самой страшной кары – изгнания с острова – запрещалось убивать лягушек или наносить им какой-либо вред. Это была одна из заповедей «Книги о благодатном житии» старца Аристофана. Поэтому лягушки всегда в изобилии водились на Большом. Но такого сборища этих земноводных Алешка не видел никогда и не помнил, чтобы кто-нибудь рассказывал ему об этом. Казалось, что сегодня на кладбище собрались все лягушки острова.

Алешка преодолел мимолетный страх и мысленно обратился к священным животным с приветствием, как еще в школе учил его наставник Фрол. Кваканье несколько поутихло, как будто лягушки почувствовали, что Алешка обращается к ним, а затем возобновилось с новой силой. Совершив этот нехитрый ритуал, парень пошел по тропинке, огибавшей кладбище. Ему казалось, что лягушки следят за ним, поворачивая в его сторону свои головы с раздувающимися в такт кваканью подбородками. У самого конца кладбища он увидел совсем неприглядное зрелище: несколько десятков лягушек образовали подобие осклизлого кома, вяло перекачивающегося у старой могилы. Алешка ускорил шаг и, пройдя немного вдоль берега озера, вновь углубился в лес. До его слуха все еще доносились громкие звуки лягушачьего концерта.

Алешка подумал о том, что это странное сборище священным земноводных должно быть как-то связано с предстоящим завтра Посвящением Семена. В конце концов, почитание лягушек – столь же неотъемлемая часть их веры, как и Посвящение Избранных. Однако после возвращения с Лисьего мыса Алешка решил обязательно рассказать об увиденном кому-нибудь из наставников, может быть даже самому старшему наставнику Илье.

Размышляя об увиденном, Алешка шел через лес по дорожке, которая должна была вывести его на берег Ярозера. Кваканье почти затихло за деревьями, когда парень внезапно почувствовал, что на тропинке он не один. Он остановился и в смятении огляделся вокруг. Что-то многовато приключений для одного дня. Справа от тропинки, в нескольких метрах от нее, на

стволе поваленной ели сидел человек в черном монашеском одеянии. Человек смотрел в землю прямо перед собой, его лицо скрывал низко надвинутый капюшон, из-под которого выглядывала длинная седая борода.

Человек как будто почувствовал, что Алешка его заметил.

– Подойди ко мне, Алексей Петров, Избранный юноша, – чистым высоким голосом сказал монах.

Алешка сошел с тропинки и сделал несколько неуверенных шагов в сторону странного человека. Парень был уверен, что это не кто-либо из общинников, ни у кого из них не было такой бороды. Но если это пришелец с большой земли, откуда ему известно имя Алешки и тем более то, что он является Избранным?

Тем временем монах поднял голову и незаметным движением поправил черный капюшон, так что открылось его суровое старческое лицо с чуть продолговатыми, но правильными и строгими чертами в обрамлении прямых седых волос. Алешка сразу же узнал этого человека. Изображающие его иконы были в каждом доме на острове, а самая большая и красивая – в иконостасе церкви Исхода праведных. Хотя Алешка и не мог в это поверить, но перед ним сидел сам основатель общины на Большом острове, составитель «Книги о благодатном житии» святой и праведный старец Аристофан. Не зная, как поступить, Алешка открыл рот и упал на колени, больно ударившись о выступавший из земли корень.

Суровое лицо старца на мгновение озарилось улыбкой.

– Поднимись, Алексей Петров, и подойди ближе, – сказал он. Алешка быстро выполнил повеление.

– Бог в помощь, Алексей! – неожиданно ласково произнес старец.

– И тебе в подмогу! – непослушными губами ответил парень.

– Куда держишь путь, Избранный?

– Я иду на Лисий мыс, навестить отшельника Артура.

– Хорошее дело. Но плохо, что выполняешь ты его как епитимью за свой грех.

– Я исправлюсь, отец, я больше так не буду, – как-то совсем по-детски залепетал Алешка.

– Вот и хорошо, Алексей. Ты Избранный и у тебя особая судьба. Ты ведь знаешь об этом?

– Знаю, – пролепетал Алешка.

– То, что ты видел сегодня на кладбище – плохой знак. Злые, темные силы ополчились на корабль спасения и хотят его потопить. Наступает время невзгод и лишений и только истинно верующие смогут остановить посланников Нечистого.

– Как это, отец? – спросил Алешка.

– Скажи, Алексей Петров, веруешь ли ты всем сердцем в заповеди Творца?

– Верую!

– А веруешь ли ты в истинность моего учения?

– Конечно верую!

– А веруешь ли ты в то, что только те, кто свято исполняют заповеди, кто готов отдать жизнь свою за ближних своих, наследуют Царствие Небесное?

– Верую!

– Тогда послушай меня, Алексей. Злые демоны готовятся напасть на общину праведных. Они пришли с большой земли и не уйдут, пока община не погибнет, церковь не рухнет, а святая земля не зарастет травой. Они чужаки и слуги сатаны, они погубили свои души и хотят погубить души всех окружающих. Ты должен избавить наш остров от них, сокрушить их и спасти общину. Сможешь ли ты сделать это?

– Если это в человеческих силах: сражаться с демонами, то я сделаю это! – Алешка почувствовал прилив невероятной гордости. Хотя он не мог понять, происходит ли все это на самом деле или только кажется ему, но сам святой и праведный старец Аристофан в данный момент направлял его на борьбу со злом и на защиту общины.

– Демоны давно не ходят по земле в своем истинном облики, – тем временем продолжал старец. – Они похожи на людей и на первый взгляд их трудно отличить. Но я расскажу тебе всю правду: их будет четверо: три мужчины и одна девица. Ты скоро встретишь их, они придут с большой земли.

– И что я должен буду сделать с ними?

– То, что подскажет тебе твое сердце.

Алешка молча смотрел на старца, обдумывая сказанное им. Аристофан поднял руку и плавным величественным жестом перекрестил парня.

– Теперь иди, Избранный! И помни, что вся община надеется на твою смелость.

На негнущихся ногах Алешка вернулся на тропинку. Пройдя несколько шагов, он обернулся, совершенно уверенный в том, что видение уже растворилось в воздухе, но старец Аристофан по-прежнему сидел на поваленном дереве и со странной смесью строгости и любви смотрел на избранного юношу. Алешка отвернулся и снова зашагал в сторону Лисьего мыса.

Глава VII

Олег направил лодку вдоль берега острова, надеясь найти среди густых лесных зарослей место, чтобы причалить. Артем и Маша напряженно всматривались в темную и мрачную чащу. Им казалось, что на острове нет никаких следов людей, но неожиданно стена леса расступилась, открыв небольшой песчаный плес. На нем кверху дном лежало несколько лодок, а к самой воде спускались посеревшие от времени и непогоды деревянные мостки.

– Надо же, какая удача! – бодро воскликнул Олег. Он подогнал лодку к одному из мостков, помог друзьям вылезти на него, а затем заглушил мотор, надежно привязал лодку и сам вышел на берег.

– Похоже, это какая-то местная пристань, – сказал Артем, оглядываясь по сторонам. – Здесь, наверное, многие рыбу ловят, что еще на этом острове делать?

– Точно, а вот там, около леса как раз сети сушатся, – заметила Маша.

– И куда нам теперь идти? – спросил Олег.

– Вон что-то похожее на тропинку, я думаю, что она приведет нас в деревню, – сказал Артем.

Друзья вышли на протоптанную дорожку и углубились в лес. За время своего путешествия им пришлось немало побродить по северным лесам, но даже Олег, который исходил половину России, заметил, что такого леса как на этом острове ему видеть не доводилось. Старые разлапистые ели со стволами в обхват толщиной, простирали свои ветви над поросшей густым темно-зеленым мхом землей. То там, то здесь лежали поверженные временем и непогодой стволы этих лесных исполинов – кое-где еще крепкие, упавшие совсем недавно, а кое-где прогнившие, покрытые кучками белесоватых грибов, и почти совсем обратившиеся в труху. Среди елей тянулись к небу отдельные осины и березы. Но в этом лесу даже стройные русские красавицы выглядели как-то странно – почти все они были покрыты безобразными наростами, некоторые искривлены и уродливо изломаны. Только изредка попадавшиеся на глаза светло-коричневые стволы сосен радовали глаз своей прямоотой и изяществом. Вдоль тропинки, по которой шли друзья, густо росла крапива, чертополох и колючая дикая малина.

– Какое-то странное место, – поежилась Маша, когда шедший впереди Артем задел большую еловую лапу, и на девушку вылился целый ушат ледяной дождевой воды. – Лес как будто заколдован, послушайте, какая тишина стоит.

– Мне так не кажется, – ответил Артем. – Лес конечно мрачный, но вполне возможно, что объясняется это естественными причинами. Я думаю, что он растет здесь с тех самых пор, как ушел ледник, его никогда не рубили. А реликтовый лес – весьма своеобразная экосистема,

в Европе этих лесов практически не осталось, только в нескольких особо охраняемых заповедниках.

– Каким бы заповедным он не был, мне все равно не по себе, – продолжала Маша. – Тут даже говорить в полный голос страшно, все время хочется шептать, чтобы никто тебя не услышал. А еще у меня постоянно такое чувство, что за нами кто-то следит. Прислушайтесь, справа иногда хрустят ветки, как будто там кто-то крадется.

– Кто может за нами следить и красться? – удивился Артем. – Остров не слишком большой, хищных зверей здесь точно нет, а ни один здравомыслящий человек не будет ползать по таким дремучим зарослям, чтобы проследить за тремя безобидными туристами.

– Подождите меня немного, я попить хочу, – Олег остановился, скинул с плеч рюкзак и достал из него металлический термос с чаем, заваренным в монастыре. Он тоже чувствовал неладное, а когда нервничал – постоянно хотел пить. Артем и Маша молча ждали, когда их друг утолит жажду. Но, сделав несколько глотков, Олег вдруг выплюнул чай на тропинку.

– Подавился? – сочувственно спросил Артем.

Вместо ответа Олег вылил немного чая себе ладонь и принялся его рассматривать. Друзья с удивлением глядели на него. Олег брезгливо вытер ладонь о свои камуфляжные брюки, потом налил еще немного чая из термоса в крышку-колпачок, служащий походной кружкой, и протянул ее Маше.

– Что случилось с чаем? – встревожено спросил он.

Маша и Артем склонились над кружкой. Даже в лесной полутьме было заметно, что жидкость в ней не похожа на чай, она имела ярко красный, почти алый цвет. Артем поднес кружку к лицу, понюхал странный чай, а потом взял несколько капель в рот.

– Чай соленый! – с удивлением воскликнул он.

– Мне кажется, Артем, что это не чай, – ответил Олег. – У нас тут имеется полный термос крови.

Артем и Маша похолодели. Олег медленно вылил все содержимое термоса в заросли крапивы.

– Откуда там кровь? – спросил Артем. – Я сам видел, как ты заваривал пакетики с чаем.

– Это и был чай, но сейчас он почему-то превратился в кровь. Или во что-то очень на нее похожее. Перелить чай или подменить термос никто не мог. Я заварил его прямо перед выходом, сразу же забросил в рюкзак, а рюкзак одел на спину и даже в лодке не снимал.

– Может это местная вода какая-нибудь неправильная, она в химическую реакцию с чаем вступает и изменяется? – спросила Маша.

– Да, и превращается в кровь, – сказал Артем. – Нет, ребята, тут что-то нечисто. Честно говоря, мне хочется поскорее убраться с этого острова.

– Мне тоже, – поддержала Маша.

– Получается, зря сюда плыли и у старика лодку одалживали? – спросил Олег.

– Давайте еще немного по этой тропинке пройдем, если выйдем к деревне, то хорошо, а если лесу конца видно не будет, то возвращаемся к лодке и уплываем. Не зря же многие не любят этот остров, а наша с вами безопасность важнее даже целой новой главы моей диссертации.

– А если две главы взять, то они, получается, важнее? – пошутила Маша. Ребята улыбнулись и обстановка немного разрядилась. Они продолжили путь по тропинке. Лес по сторонам заметно поредел и неожиданно они снова вышли на берег. В этом месте остров вдавался в озеро длинным каменистым мысом. С одной стороны на него намыло порядочное количество песка. Между мысом и опушкой леса ютилась полуразвалившаяся хибара.

– Это и есть деревня? – удивился Олег.

– Непохоже. Скорее какая-то охотничья избушка или амбар, – ответил Артем. – Подойдем, посмотрим поближе.

В глубине души Артем надеялся, что им посчастливилось наткнуться на заброшенную часовню. В этом случае его исследование пополнилось бы описанием постройки, до которой раньше не добирался никто, даже академик Острожский. Однако при ближайшем рассмотрении оказалось, что хибара все же представляет собой некое подобие охотничьей избушки, в которой охотник мог переночевать, переждать ненастье или обогреться зимой. Это было приземистое бревенчатое строение с одним маленьким закопченным окном и низкой дверью. Хотя от двери к берегу вела едва заметная тропинка, сама избушка производила впечатления необитаемой.

Пока Маша и Артем осматривали ее снаружи, Олег направился прямо к двери. Она оказалась не заперта. Олег для приличия постучал костяшками пальцев по старым доскам, а затем со словами: «Есть кто дома?» шагнул за порог. В следующую секунду ему показалось, что крыша избушки рухнула на него всей своей тяжестью, а грязный деревянный пол вдруг поднялся и больно ударил по лицу. «Лишь бы не сломать нос!» – подумал Олег перед тем как отключиться.

Артем обошел избушку по кругу, к своему разочарованию не обнаружив никаких признаков того, что она когда-либо могла быть часовней, и уже собирался заглянуть внутрь, когда, выйдя из-за угла, нос к носу столкнулся с двумя людьми – молодым кудрявым парнем в поношенном спортивном костюме и свирепого вида кавказцем с короткой стрижкой в черной хламиде, напоминавшей монашескую рясу. В руках кавказец держал увесистую палку, похожую на черенок от саперной лопатки. Артем не успел произнести ни слова, когда кавказец со всего размаху наотмашь ударил его палкой по голове.

* * *

Ближе к вечеру снова пошел дождь. Он барабанил по железной кровле и подоконникам просторной избы старшего наставника Ильи, однако никто из собравшихся в этот час мужчин не замечал непогоды. Все пять наставников общины – сам Илья, суровый Еремей, тихий и улыбчивый Фрол, молчаливый Игнат и древний старец Феофил горячо обсуждали ситуацию, сложившуюся на острове.

– Нам с вами повезло, братья! – убежденно говорил Фрол. – Нам посчастливилось жить во времена великих чудес, каких уже несколько веков не было на нашей благодатной земле.

– Это верно, но вместе с тем на нас лежит ответственность, которая и не снилась нашим предшественникам, – сказал наставник Еремей. – Как поступить и что предпринять, чтобы в это грозное время вывести корабль спасения из бури целым и невредимым. Мы в ответе за наше духовное стадо, за каждого члена общины. А они в панике, многим не хватает веры, чтобы противостоять соблазнам. И как и всякий раз, когда Творец удостаивал общину проявлением подобных страшных чудес, многие начинают забывать наши наставления, трактуют эти знаки по-своему.

– Ждут конца света, – вставил Игнат.

– Да, в том числе! Кто-то говорит о конце света, кто-то о неслыханной угрозе, нависшей над общиной, а кто-то считает, что Отцу неуютно завтрашнее Посвящение Семена Смородкова, и что, возможно, он не является Избранным!

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.